

Գ Լ Ո Բ Ո Ի Մ

Վ Ե Ր Լ Ո Ի Ծ Ա Կ Ա Ն Տ Ե Ղ Ե Կ Ա Գ Ի Ր

ԸՆՏՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ.
ՎՐԱՍՏԱՆ, ԻՐԱՆ, ԱՄՆ

ԿՐՈՆԱՓՈԽ ՀԱՅԵՐԻՆ
ԱՌՆԶՎՈՂ ՀԱՐՑԵՐ

3

Փետրվար
2008

«ՆՈՐԱՎԱՆՔ» ՀԻՄՆԱԴՐԱՄ

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Չախտված երկրների ինդեքսը 2007թ.	3
Азербайджанские информпорвокации против армянской диаспоры (<i>ծառայողական</i>)	7
Российско-армянские взаимоотношения: новые тенденции Москвы и новые восприятия Еревана	9
Доклад международной кризисной группы «Нагорный Карабах: риск войны»	12
Управление научно-экономическим развитием. Россия, Казахстан – опыт сочетания советской и западных моделей	14
Стратегическое планирование в интересах России	19
Международный опыт институционального оформления отношений между государством и национальной диаспорой за рубежом	24
Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха	27

ՉԱԽՈՂՎԱԾ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ԻՆԴԵՔՍԸ 2007Թ.¹

(համեմատական վերլուծություն)
Foreign Policy Magazine, The Fund for Peace
Failed States Index. 2005-2007

Վերջերս լույս տեսավ հեղինակավոր «Ֆորին Փոլիսի Մեգրզին» ամսագրի և «Դը Ֆանդ Ֆոր Փիս» կազմակերպության երրորդ՝ «Չախողված երկրների ինդեքսը» չափորոշիչային հետազոտությունը: Նախորդ երկուսը վերաբերում էին 2005 և 2006թթ.²: Ստորև ներկայացնում ենք ինչպես «Չախողված երկրների ինդեքսի» վիճակագրական տվյալների վերլուծականը, այնպես էլ այդ և դրան նախորդած երկու հրապարակումների համեմատական ուսումնասիրությունը՝ կենտրոնանալով Հայաստանի և հարակից երկրների վրա (բոլոր աղյուսակները հիմնված են «Դը Ֆանդ Ֆոր Փիս» կազմակերպության տվյալների վրա): Երեք զեկույցներում էլ կիրառվում է միննույն 12 ցուցիչների (տե՛ս ստորև) մեթոդաբանությունը: Դրանք խմբավորված են երեք հիմնական խմբերում՝ սոցիալական, տնտեսական և քաղաքական:

Չախողված երկրների դասակարգման 12 ցուցիչները

№	Ցուցիչներ
<i>Սոցիալական</i>	
1.	ժողովրդագրական ազդեցություն
2.	փախստականների և ներքին տեղահանվածների զանգվածային տեղաշարժ
3.	դժգոհ զանգվածների գործոն
4.	քրոնիկական և կայուն բնույթ կրող մարդկային ռեսուրսի արտահոսք
<i>Տնտեսական</i>	
5.	հասարակական խմբերի միջև տնտեսական զարգացման անհավասարություն
6.	կտրուկ և/կամ խոր տնտեսական անկում
<i>Քաղաքական</i>	
7.	պետության քրեականացում և/կամ ապալեզիտիմացում
8.	պետական գործառույթների շարունակվող վատթարացում
9.	մարդու իրավունքների համատարած խախտում
10.	անվտանգության կառույցների ուժեղացում. դրանք հանդես են գալիս որպես պետություն պետության ներսում
11.	կլանային վերնախավի ազդեցության մեծացում
12.	օտար երկրների միջամտություն կամ արտաքին գործոններ

Չեկույցում նշված երկրների դասակարգումն արված է վերոնշյալ 12 ցուցիչների ընդհանուր գումարային տվյալներով: Յուրաքանչյուր ցուցիչի համար ընտրված է վարկանիշային 0-10 թվային սանդղակը, որտեղ 10-ը համարվում է բարձրագույն՝ բացասական կետը, 0-ն՝ ցածրագույն՝ լավագույն կետը:

2005թ. հետազոտությունում ընդգրկված 76 երկրների շարքում Հարավային Կովկասի երկրներից ներառված է միայն Ադրբեջանը (Հայաստանի ու Վրաստանի, ինչպես նաև այլ երկրների բացակայությունը պայմանավորված է հիմնականում տեղեկատվության անմատչելիությամբ): Այստեղ ներառված 76 երկրներն ըստ ձախողվածության աստիճանի բաժանված են երկու խմբի. 1. ահագանգող ինտենսիվության երկրներ (վատագույն ցուցանիշներ ունեցող երկրներ, որոնց ընդհանուր վարկանիշային ցուցիչը ներառված է 90.9-106 միավորների միջև),

¹ «Ֆորին Փոլիսի Մեգրզինի» և «Դը Ֆանդ Ֆոր Փիսի» պատրաստած ձախողված երկրների ինդեքսը վերաբերում է 2007 թվականին:

² Նշված հրապարակումներից յուրաքանչյուրի հետազոտության համար հիմք են ծառայել նշված տարեթվերին նախորդած տարվա տվյալները:

2. նախագգուշացնող՝ 65-89.4: Սույն զեկույցում Ադրբեջանը, ունենալով 85.7 միավոր և ընկնելով երկրորդ՝ նախագգուշացնող խմբի մեջ, զիջում է այնպիսի երկրների, ինչպիսիք են Իրանը (83.8), Ռուսաստանի Դաշնությունը (83.5), Ալժիրը (81.2), Ղրղըզստանը (80.4) կամ Ղազախստանը (78.3):

«Ձախողված երկրների ինդեքսի» հաջորդ՝ 2006թ. զեկույցում ներառված են 146 երկրներ, որոնք այս անգամ ըստ ձախողվածության աստիճանի բաժանված են 4 խմբի.

1. *սահազանգող ինտենսիվության* երկրներ (վատագույն ցուցանիշներ ունեցող երկրներ, որոնց ընդհանուր վարկանիշային ցուցիչը 90.3-112.3 միավորների միջակայքում է),
2. *նախագգուշացնող* (60.5-89.8),
3. *միջին* (30.8-59.6),
4. *կայուն* (լավագույն ցուցանիշներ ունեցող երկրներ, որոնց ընդհանուր վարկանիշային ցուցիչը 16.80-28.1 միավորների միջակայքում է):

2006թ. տարեկան զեկույցում Հարավային Կովկասի հանրապետություններից, որոնք երեքն էլ ներառված են միննույն՝ *նախագգուշացնող* խմբի (երկրորդ) մեջ, լավագույն վարկանիշային ցուցանիշը Հայաստանինն է: Վրաստանի վարկանիշային միավորը 82.2 է, որին անմիջապես հաջորդում է Ադրբեջանը՝ 81.9 միավոր: Նկատենք, որ երկու երկրներն էլ գտնվում են նախագգուշացնող խմբի 60.5-89.8 սահմանային սանդղակի ցածրագույն մասում: Ընդ որում, 2005թ. համեմատ Ադրբեջանի ցուցանիշի բարելավումը հիմնականում պետք է պայմանավորել այն հանգամանքով, որ 2006թ. զեկույցում ընդգրկված երկրների թիվը նախորդի համեմատ կրկնապատկվել էր, փոխվել էր նաև ձախողվածության աստիճանակարգումը (2006թ. զեկույցում առանձնացված են ոչ թե երկու, այլ չորս խմբեր):

Ի տարբերություն հարավկովկասյան երկու հանրապետությունների, Հայաստանի ցուցանիշը բավական բարձր է (71.5) և նշված սահմանային սանդղակի լավագույն ցուցանիշների շարքում է: Սույն զեկույցում Հայաստանն իր ցուցանիշներով գերազանցում է ԱՊՀ բոլոր պետություններին, ինչպես նաև Իրանին (84), Իսրայելին (79.4) և Թուրքիային (74.4): Ավելին, Հայաստանն իր վարկանիշով համեմատաբար մոտ է Արևելյան Եվրոպայի այնպիսի երկրների, ինչպիսիք են Ռումինիան (62.6), Բուլղարիան (62.1)¹:

Աղյուսակ 1

ԱՊՀ երկրներ, 2006թ.

դիրք	երկիր	Ցուցիչներ (Ց)												ընդհանուր վարկանիշ
		Ց-1	Ց-2	Ց-3	Ց-4	Ց-5	Ց-6	Ց-7	Ց-8	Ց-9	Ց-10	Ց-11	Ց-12	
23	Ուզբեկստան	7.7	5.8	7.5	7.5	8.1	7	9.3	7	9.3	9.1	9.1	7	94.4
28	Ղրղըզստան	8	6.6	7	7.5	8	7.5	8.3	7.3	7.9	8.3	7.9	6	90.3
42	Տաջիկստան	7	6.6	6.2	6.5	7.4	6.8	8.9	7.5	8.6	7.5	8.7	6	87.7
43	Ռուսաստան	8	7.2	8	7	8	3.7	8.2	6.9	9.1	7.5	9	4.5	87.1
45	Թուրքմենստան	7	4.2	5.2	6	7.2	8	9.1	7.2	9.7	8.5	8	6	86.1
50	Բելառուս	9	5.1	5.5	3.5	8.5	6.3	9	7.5	7.3	6.8	8	8	84.5
58	Մոլդովա	7	4.7	7.3	8	7.5	7.5	7.4	7	6.8	5.5	6.8	7	82.5
60	Վրաստան	6	6.8	7.4	6.1	7	5.5	7.7	6.3	5.6	8.1	7.1	8.6	82.2
61	Ադրբեջան	6	8.1	7.3	5	7.5	5.9	8.1	6.5	6	7	7.5	7	81.9
86	Ուկրաինա	7	3.8	7.2	7.5	7	4.5	7	5.5	5.9	3	7.5	7	72.9
88	Ղազախստան	5	2.9	5.1	4	6.2	6.5	7.5	6.7	7	6.7	7.7	6.6	71.9
89	Հայաստան	6	7.1	5	7	6	5.1	7	6.5	6	4.5	5.8	5.5	71.5

Աղբյուրը՝ http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=104&Itemid=324

¹ Թե՛ Ռումինիան և թե՛ Բուլղարիան նույնպես երկրորդ՝ նախագգուշացնող խմբում են: Ի տարբերություն դրանց, 2006թ. զեկույցում մերձբալթյան երկրներն ընդգրկված են երրորդ՝ միջին խմբում. Լատվիա՝ 56.2, Էստոնիա՝ 51, Լիտվա՝ 49.7:

2007թ. զեկույցում ներառված են առավելագույն՝ 177 երկրներ, որոնք նույնպես ըստ երկրների ձախողվածության աստիճանի բաժանված են 4 խմբի.

1. *ահագանգող ինտենսիվության* երկրներ (վատագույն ցուցանիշներ ունեցող երկրներ, որոնց ընդհանուր վարկանիշային ցուցիչը 90-120 միավորների միջակայքում է),
2. *նախազգուշացնող* (60-89.9),
3. *միջին* (30-59.9),
4. *կայուն* (լավագույն ցուցանիշներ ունեցող երկրներ, որոնց ընդհանուր վարկանիշային ցուցիչը 0-29.9 միավորների միջակայքում է):

2007թ. զեկույցում Հայաստանը կրկին զբաղեցնում է առաջատար դիրքեր ինչպես Հարավային Կովկասի, այնպես էլ ԱՊՀ երկրների շարքում՝ գերազանցելով նաև Իրանին ու Թուրքիային: Ստորև ներկայացված են 2007թ. տարեկան զեկույցին վերաբերող աղյուսակները:

Աղյուսակ 2

ԱՊՀ և մերձբայթյան երկրներ, 2007թ.

դիրք	երկիր	Ցուցիչներ												ընդհանուր վարկանիշ
		Ց-1	Ց-2	Ց-3	Ց-4	Ց-5	Ց-6	Ց-7	Ց-8	Ց-9	Ց-10	Ց-11	Ց-12	
ԱՊՀ երկրներ														
22	Ուզբեկստան	7.7	5.4	7.1	7.1	8.6	7.5	9.2	6.8	9	8.9	9.2	7	93.5
39	Տաջիկստան	7.7	6.1	6.3	6.4	7.3	7.3	9	7.3	8.6	7.8	8.8	6.1	88.7
41	Ղրղզստան	7.5	6.2	6.8	7.4	8	7.5	8.2	6.3	7.9	7.9	7.5	7	88.2
43	Թուրքմենստան	7	4.5	6.2	5.6	7.3	7.4	9	7.7	9.6	8.5	8.2	6.5	87.5
48	Սոյդովա	7	4.7	7.3	8.4	7.5	7.5	7.9	7.1	6.8	6.3	7.5	7.7	85.7
51	Բելառուս	8	4.6	6.5	5	7.5	6.8	9.1	6.9	8.5	6.7	8.5	7.1	85.2
58	Վրաստան	6.3	6.8	7.6	5.7	7	5.7	7.9	6.1	5.4	7.8	7.8	8.2	82.3
62	Ռուսաստան	7.5	5.9	7.7	6.5	8.2	3.9	7.6	6.2	8.5	6.8	8.5	3.9	81.2
62	Ադրբեջան	6	7.5	7.3	5.3	7.4	6.3	7.8	6	6.4	7.2	7.5	6.5	81.2
103	Ղազախստան	5.7	3	5.2	4	6.2	6.6	7.5	6.1	7	6.7	7.7	6.6	72.3
106	Ուկրաինա	6.5	3.6	7	7.5	7	5	7.5	4.5	5.9	3	7.9	6	71.4
112	Հայաստան	5.8	7.6	5	6.9	6	5	6.5	6.2	5.5	4.5	5.8	5.5	70.3
Մերձբայթյան երկրներ														
135	Լատվիա	5.2	5.7	4.6	5	7	5.8	4.7	4	3.8	2.2	4.4	4.3	56.7
140	Էստոնիա	4.8	4.8	4.5	4	4.9	3.7	5	3.8	3.7	2.1	5.9	3.3	50.5
143	Լիտվա	5.4	3.4	3.5	5.4	6.2	4.5	4.2	3.7	3.7	2	3	4	49

Աղյուսակ 3

Հայաստանը և հարակից երկրները, 2007թ.

դիրք	երկիր	Ցուցիչներ												ընդհանուր վարկանիշ
		Ց-1	Ց-2	Ց-3	Ց-4	Ց-5	Ց-6	Ց-7	Ց-8	Ց-9	Ց-10	Ց-11	Ց-12	
57	Իրան	6.2	8.6	7.1	5	7.2	3.3	7.8	5.7	8.7	8.3	8.9	6	82.8
58	Վրաստան	6.3	6.8	7.6	5.7	7	5.7	7.9	6.1	5.4	7.8	7.8	8.2	82.3
62	Ադրբեջան	6	7.5	7.3	5.3	7.4	6.3	7.8	6	6.4	7.2	7.5	6.5	81.2
92	Թուրքիա	6.9	5.8	7.4	5	8.7	4.7	6.1	5.4	5.1	6.7	7.1	6	74.9
112	Հայաստան	5.8	7.6	5	6.9	6	5	6.5	6.2	5.5	4.5	5.8	5.5	70.3

Առաջատար՝ կայուն երկրներ (Հավագույն տասնյակ), 2007թ.

դիրք	երկիր	Ցուցիչներ												Զեփոստոր վարկանիշ
		Ց-1	Ց-2	Ց-3	Ց-4	Ց-5	Ց-6	Ց-7	Ց-8	Ց-9	Ց-10	Ց-11	Ց-12	
168	Կանադա	3.3	2.4	2	2.1	5	1.5	1.5	1.2	2	1	1.6	1.5	25.1
169	Ավստրալիա	2.9	1.6	3	1.1	4.4	1.8	1	1.4	2.5	0.9	1.5	1.1	23.2
170	Դանիա	3.2	2.6	2.5	2	1.9	2.1	1	1.4	1.5	1	1	2	22.2
171	Իսլանդիա	1	0.9	1	3.2	2.5	3.5	1.3	1.3	2.1	1	0.8	2.5	21.1
172	Նոր Զելանդիա	1.1	1.2	2	2.1	4	3	1.1	1.4	1.5	1	1	1.1	20.5
173	Շվեյցարիա	3.3	1.7	2.1	2	2.6	1.5	1	1.4	1.7	1	1	0.9	20.2
174	Իռլանդիա	1.6	1.5	1	2.1	2.9	2.1	1.5	1.8	1.5	1	1	1.5	19.5
175	Շվեդիա	3.2	2.8	1	2	2	1.3	1	1.2	1.4	0.9	1	1.5	19.3
176	Ֆինլանդիա	2.5	1.6	1	2.1	1.9	2.2	0.9	1.2	1.5	0.9	0.7	2	18.5
177	Նորվեգիա	2	1.6	1	1.1	2	2.1	1	1.3	1.5	1	1	1.5	17.1

Կարեն Վերանյան
«Նորավանք» հիմնադրամ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ИНФОРМПОРВОКАЦИИ ПРОТИВ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Азербайджанская сторона ведет информационную войну не только непосредственно против Армении, но также и против армянских диаспор.

Основной принцип азербайджанских скоординированных действий на информационном фронте в целом по качеству пока что находится на довольно низком уровне. В то же время азербайджанская сторона берет не качеством, но количеством. Практически ежедневно различные агентства, новостные интернет-сайты, контролируемые государственными структурами, вбрасывают дезинформацию. Статистически в месяц несколько раз их действия приносят тот или иной отрицательный эффект.

Так, 28 января азербайджанское новостное агентство АПА, которое является одним из основных на сегодняшний день источников дезинформации, опубликовало материал об армянской диаспоре на Украине:

Армянское население Львова предлагает переименовать город в Арьюц
28 Янв. 2008 17:44

Армянская община украинского города Львов намерена поднять вопрос о его переименовании. Как передает АПА, об этом заявил депутат городского совета Львова Вардкес Арзуманян. По его словам, от имени 6 тысяч армян, проживающих в Львове, в администрацию города будет направлено обращение с просьбой переименовать город в Арьюц.

Переименование, сказал Арзуманян, будет «достойной данью памяти армян – основателей города, а также других известных армянских жителей Львова, внесших огромный вклад в развитие и процветание города»: «Новое название одинаково красиво звучит как на армянском, так и на украинском языках. Кроме того, этот шаг позволит еще больше укрепить дружбу между двумя народами». По его словам, о планах армян Львова известно главе украинской епархии Армянской апостольской церкви архиепископу Григорису (Буниатян) и послу Армении в Украине Армену Хачатряну, которые заявили о готовности оказать всяческую поддержку в данном вопросе.

Следует отметить, что некоторое время назад армянская община и духовенство российского города Буденовск подняли вопрос о возврате городу, «основанному армянами», «историческое название Сурб Хач». /АПА/

В случае с АПА азербайджанцы используют уже опробованный в мире метод: материал перепечатывается со стороны более известного и авторитетного уже на уровне СНГ другого азербайджанского агентства *Day.az* (руководитель – глава комитета Меджлиса по внешним сношениям Анар Мамедханов). После этого данный материал как бы получает печать достоверности и начинает копироваться другими новостными агентствами.

В данном случае эта дезинформация была перепечатана со стороны нескольких авторитетных украинских интернет-изданий (о попадании в печатную прессу данных не имеется). При этом ряд изданий, не разобравшись, написали, что источником является «армянское агентство АПА».

Через несколько часов после появления этого материала уже вне азербайджанских СМИ ряд армянских блоггеров (владельцев интернет-дневников) развернули активную деятельность по нейтрализации дезинформации. Так, ереванский блоггер под псевдонимом «*aerial_vortex*» незамедлительно связался с другими блоггерами – украинскими журналистами. В результате материал был снят с нескольких украинских новостных порталов. Аналогичную работу с другими новостными сайтами и украинскими интернет-сообществами поводит ряд других армянских интернет-пользователей из Армении и Диаспоры.

После этого материал о разоблачении азербайджанской дезинформации (<http://aerial-vortex.livejournal.com/133288.html>) через использование определенных технологий раскрутки был поднят группой армянских блоггеров в самые популярные темы русскоязычных блогов (<http://blogs.yandex.ru/entries/>). Кроме того, был подготовлен и опубликован ряд других материалов на других блогах, которые также оказались в числе самых посещаемых материалов русскоязычных блогов. В результате эти материалы были прочитаны более 3 тысячами неармянских пользователей.

Несмотря на все эти действия, естественно, вред от азербайджанской акции оказался на порядок больше, так как негативное отношение к армянам среди украинцев в определенной степени было сформировано. О чем можно было судить по реакции украинских интернет-пользователей в адрес армян. Несмотря на то, что азербайджанская дезинформация была крайне низкого качества, однако для многих читателей подобные материалы имеют свой эффект.

В дальнейшем армянская диаспора напечатала опровержение:

«Армянское общество Львова не имело намерения инициировать переименование города Львова, а распространено информация об этом является провокацией. Соответствующее заявление сделал депутат Львовского городского совета, представитель армянского общества в Львове Арзуманян Вардкес, передает ЗІК.

«Мы сейчас работаем с юристами, которые готовят иск в суд на те информационные агентства, которые распространили эту информацию, – с потолка. Ведь ни я, ни кто-либо другой из представителей армянского общества в Львове и Украине о переименовании Львова ничего не говорили. Да и вообще, мы не общались с представителями информационных агентств, подавших такую информацию», – заявил Вардкес».

Однако в очередной раз армянская сторона действовала лишь в ответ на азербайджанскую акцию, которая все же не была полностью дезактивирована. При этом противодействие в очередной раз было оказано не на государственном уровне, а со стороны группы энтузиастов, продолжающих оказывать определенное противодействие азербайджанской государственной машине, которая уже не первый год ведет планомерную и скоординированную работу в направлении информационной войны против Армении и армян.

Также надо учитывать, что и армянская пресса является серьезным рассадником как азербайджанской, так и турецкой пропаганды. Так, для более или менее профессионального журналиста даже невооруженным глазом должно быть понятно, что такое агентство, как АПА, является источником дезинформации. При этом армянские СМИ продолжают с завидным упорством цитировать это и подобные ему агентства, тем самым не только поддаваясь на провокации, но и поднимая индекс цитируемости и авторитетность откровенно вражеских источников информации. И это притом, что в Армении нет сколь-нибудь раскрученного и авторитетного для внешнего мира интернет-издания, каким является, например, *Day.az*.

Самвел Мартиросян

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОСКВЫ И НОВЫЕ ВОСПРИЯТИЯ ЕРЕВАНА

Российский вектор и сотрудничество на постсоветском пространстве продолжают играть важнейшую роль во внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетах Армении. Прошедший 2007г. и динамика развития событий с начала 2008 г. показывают значительное углубление как уровня двусторонних отношений России и Армении, так и их политической значимости в регионе Южного Кавказа.

В контексте обеспечения безопасности Армении активно развивалось военно-техническое сотрудничество с Россией и некоторыми другими государствами-членами ОДКБ. В частности, наиболее важным событием за последний год в сотрудничестве Еревана и Москвы в сфере безопасности следует считать начало боевого дежурства совместной армяно-российской системы ПВО, оснащенной новыми современными зенитно-ракетными комплексами. Для участия в церемонии начала боевого дежурства 14 февраля 2007г. в Ереван прибыл командующий ВВС России генерал армии Владимир Михайлов. Он также принял участие в заседании Координационного совета объединенной системы ПВО при Совете министров обороны стран-членов СНГ. 30 октября в Армению с официальным визитом прибыл министр обороны РФ Анатолий Сердюков, который имел встречи с армянским военно-политическим руководством, а также проинспектировал российскую 102-й базу на территории Армении. К концу 2007г. был полностью завершён вывод части личного состава и военного имущества 12-й и 62-й российских военных баз в Грузии на 102-ю базу в Гюмри.

Вместе с тем, важнейшей отличительной особенностью армяно-российских взаимоотношений за последний год явилось усиление проникновения российского капитала в общей структуре экономики и коммуникационной инфраструктуры Армении. По итогам первых 9 месяцев 2007г. объем российских инвестиций в экономику Армении по сравнению с аналогичным периодом 2006г. вырос более чем в 5 раз, что по данным Национальной службы статистики РА, составило 37,4% от всего объема иностранных инвестиций в реальный сектор Армении и 32,6% от прямых инвестиций. Внешнеторговый оборот Армении с Россией вырос за этот же период на 68,2% и составил 632,1 млн. долларов.

При этом, хотя некоторые эксперты и политики считают, что тенденция увеличения российского присутствия в экономике Армении создает угрозу ее способности вести самостоятельную внешнюю политику, значительная часть армянской политической элиты воспринимает этот факт несколько иначе. По их мнению, усиление позиций российского капитала в Армении (во многом естественно имеющее политическую подоплеку) явилось результатом сбалансированной и многовекторной внешней политики Еревана. По мере ослабления позиций Москвы в Грузии и Азербайджане армянский вектор стал приобретать все большую значимость для сохранения политического влияния России на Южном Кавказе, что и требует большего внимания Москвы к экономическим интересам своего армянского союзника. Нельзя не учитывать и чисто прагматический интерес армянских политических и деловых кругов в этом вопросе, т.к. абсолютно ясно, что политически мотивированные российские инвестиции являются весомым фактором стабильного экономического роста в Армении в последнее время.

Для более наглядного представления о сути проблемы попытаемся показать общую динамику двусторонних взаимоотношений в экономической сфере за последний год. 24 января 2007г. состоялась рабочая встреча президентов России и Армении В.Путина и Р.Кочаряна в Сочи. По сообщениям СМИ, на встрече обсуждался широкий спектр вопросов двустороннего политического и особенно экономического сотрудничества. После январской встречи прези-

дентов в Сочи появилась информация о том, что российская сторона в лице компании «Газпром» рассматривает вопрос о совместном строительстве нефтеперерабатывающего завода в приграничных с Ираном районах Армении, мощностью приблизительно до 7 млн. тонн нефти. Строительство НПЗ оценивается экспертами приблизительно в 2,7 млрд. долларов, из которых примерно 1 млрд. долларов должны составить расходы на создание транспортной инфраструктуры, которая позволит обеспечить поставки иранской нефти по трубопроводу длиной около 200 км. от г. Тебриз и обратную транспортировку переработанных нефтепродуктов в Иран железной дорогой. Естественно, данный проект, если он будет реализован, вызван в первую очередь политическими соображениями. При этом армянская сторона изначально предлагала России построить завод мощностью всего 3-4 млн. тонн. Однако российская сторона сделала встречное предложение, увеличив мощность проектируемого НПЗ почти вдвое. Потребности в нефтепродуктах самой Армении не превышают 250 тыс. тонн в год и остальная часть перерабатываемой нефти должна будет видимо поставляться обратно в Иран. Впрочем, пока еще неясно, будет ли реализован данный проект на практике, хотя вопрос строительства НПЗ довольно подробно рассматривался на первой официальной встрече премьер-министров Армении и России Сергея Саркисяна и Виктора Зубкова в конце сентября 2007г.

Тенденция увеличения доли российского капитала на армянском рынке в 2007г. проявилась и в сферах связи и коммуникаций, а также энергетической, горнодобывающей и финансово-банковой отраслях экономики Армении. В середине 2007г. глава Росатома Сергей Кириенко заявил о готовности оказать содействие правительству Армении в вопросе строительства новой АЭС мощностью в 1000 МВт, в том финансовым участием в проекте предварительной стоимостью в 2 млрд. долларов. Обсуждался также вопрос участия Росатома в добычи сырья на урановых рудниках на территории Армении. Как заявил 21 января 2008г. министр транспорта России И.Левитин в ходе заседания Армяно-российской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству, Россия готова также осуществить серьезные инвестиции для обнаружения и добычи урана в Армении, а также в управление Мецаморской АЭС и строительство новой АЭС.

14 сентября 2007г. российская компания МТС приобрела 80% акций армянской компании сотовой связи *K-Telecom* (известной на армянском рынке под торговой маркой *Viva Cell*), а также заключила опционное соглашение на покупку оставшихся 20%. Сумма сделки составила 310 млн. евро. 21 сентября дочерняя компания российской инвестиционной компании «Тройка Диалог» - *TDA Holdings Limited* приобрела 96,15% акций «Армимпэксбанка» за 13 млн. долларов. Планируется, что «Тройка Диалог» и компания «Америя» на базе «Армимпэксбанка» создадут инвестиционный банк, который будет предоставлять клиентам широкий спектр услуг и уже в начале 2008г. в банк будет инвестировано около 50 млн. долларов. 1 декабря 2007г. «Газпромбанк» заявил о приобретении 80,09% акций ЗАО «Арэксимбанк». После приобретения «Арэксимбанка» его основными направлениями деятельности станут расчетно-кассовые операции, кредитование, торговое и проектное финансирование для крупных корпоративных клиентов. В ноябре 2007г. дочернее предприятие российской финансово-промышленной группы «Промышленные инвесторы», одно из крупнейших добывающих компаний Грузии АО «Маднеули» стало собственником Араратского золотодобывающего комбината (AGRC) Армении. В декабре 2007г. было также объявлено, что ЗАО «Российские железные дороги» фактически стало победителем в международном тендере на право концессионного управления ЗАО «Армянские железные дороги». РЖД предлагает инвестировать в железнодорожную инфраструктуру Армении 174,5 млрд. драмов (570 млн. долларов). С середины января 2008 г. данный проект с РЖД перешел в практическую плоскость реализации.

В результате, масштабные экономические инвестиции российского капитала в экономику Армении привели в последнее время к весьма неожиданному улучшению восприятия России со стороны значительной части армянской политической верхушки и экспертов-политологов и журналистов. Если раньше все попытки различного рода государственных и негосударственных структур из России, в том числе стоящих близко к высшим эшелонам власти, повлиять на

улучшение пошатнувшегося имиджа и восприятия России в армянском общественно-политическом сознании приводили к прямо противоположным результатам (речь идет о практике продвижения и лоббирования российских интересов в Армении путем копирования деятельности западного типа фондов, институтов и ангажированных СМИ), то за последний год ситуация изменилась.

Видимо впервые за все постсоветское время, реализация Москвой своеобразного проекта «экономические инвестиции в обмен на политическую лояльность» в отношении Армении сыграло роль эффективного инструментария влияния на традиционно «прозападное» общественное мнение армянской политической и медиа элиты. Вкладываемые в Армению деньги российских олигархов и государственных корпораций оказались более действенным и желанным ресурсом политического влияния, чем заумные комбинации некоторых российских «политтехнологов» или угрожающие жесты в сторону Еревана определенной части российских «силовиков», реализующих и контролирующих политику России на Кавказе. То, чего Россия не смогла достичь угрозами и шантажом, она возможно сможет достичь «покупкой лояльности». Возможно, эффективность этой своеобразной и более привлекательной российской политики *«soft power»* (выражаясь терминами западной политологии), наконец-то получила осознание и в умах ведущих политиков и политологов внутри самой России. Можно даже говорить о пусть и не вполне осознанных, но конкретно проявляющихся симптомах ее реализации на постсоветском пространстве.

Своеобразной иллюстрацией данной тенденции может послужить мнение известного российского политолога, президента Фонда «Политика» Вячеслава Никонова о том, что Москве необходимо сделать реальные шаги, демонстрирующие готовность оказать Еревану конкретную экономическую помощь. В статье, опубликованной 28 января 2008г. РИА «Новости», В.Никонов отмечает, что «учитывая финансовые возможности России, необходимо включить Армению в число первоочередных получателей прямой иностранной помощи». Мнение видного российского политолога вовсе не означает, что она будет (или может быть) практически реализована в ближайшей перспективе. Тем более что статья В.Никонова была опубликована исходя из политической конъюнктуры предвыборной президентской компании в Армении. Однако уж больно эта идея российского политолога похожа на американскую программу экономической помощи 16 странам мира (в том числе Грузии и Армении) под названием «Вызовы тысячелетия», реализуемую с 2006г. и предусматривающую содействие Армении в ближайшие годы в размере примерно 235 млн. долларов. Ведь не секрет, что Вашингтон также рассматривает программу «Вызовы тысячелетия» как инструмент реализации своих политических целей и усиления влияния в некоторых ключевых регионах мира, в том числе и на Южном Кавказе.

Таким образом, можно говорить о фиксации новой тенденции в армяно-российских отношениях и появлении новых инструментов их реализации, в виде конечно же политически мотивированных, но при этом по сути своей экономически привлекательных (хотя иногда к сожалению безальтернативных) для Армении проектов привлечения российских инвестиций в армянскую экономику. А все это в итоге приводит к изменению подходов и восприятия армянской элитой и общественностью роли и места России в политических процессах на Южном Кавказе.

Сергей Минасян

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОЙ КРИЗИСНОЙ ГРУППЫ «НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: РИСК ВОЙНЫ»

Опубликованный 14 ноября 2007г. доклад Международной кризисной группы (*International Crisis Group*) «Нагорный Карабах: риск войны» (далее – Доклад) содержит некоторые положения, которые, как нам представляется, создают более четкое представление о нынешнем раскладе сил всех сторон конфликта.

Чувствуется, что Доклад основывается в большей степени на экспертно-аналитических оценках внутреннего характера (региона конфликта), чем на общих и в большинстве случаев стереотипных оценках внешних региону конфликта источников. В Докладе очень часто приводятся точки зрения экспертов региона конфликта (хотя и в большинстве случаев в анонимном порядке).

Нынешний Доклад, в отличие от своего предшественника («Нагорный Карабах: план установления мира», от 11 октября 2005г.), содержит значительный экономический и военно-политический фактологический материал, который в свою очередь подобран и приводится весьма интересным способом. За фактологией «нефтяных успехов» Азербайджана непосредственно следует «компенсирующая» фактология экономического развития Армении и Нагорного Карабаха. Подобный формат относится и к положениям Доклада, которые посвящены милитаризации региона конфликта.

Считаем, что для экспертного сообщества региона конфликта и международных аналитиков, занимающихся проблемой Нагорного Карабаха, будет интересным найти в Докладе положения, которые объективно представляют ресурсы сбалансирования конфликта, сдерживающие его от «размораживания».

Линия прекращения огня и конкретные военные возможности Армении и Нагорно-Карабахской Республики являются той неоспоримой составляющей сбалансирования конфликта, которая во многом носит определяющий характер на данном этапе. В ближайшей и даже более отдаленной перспективе (от двух до трех лет) не наблюдаются какие-либо ресурсы, которые региональные и внерегиональные силы могут предложить для эффективной замены этой составляющей.

Всяческое нагнетание Азербайджаном гонки вооружений в регионе конфликта, его непрекращающиеся милитаристские заявления на самом высоком уровне основываются только и только на «нефтяной игле», что явственно обнаруживается в Докладе, если читать его «не просто так», а что называется «между строк». Цифра «2012» часто приводится в Докладе (год, начиная с которого нефтяные запасы и соответственно финансовые поступления от продажи нефти Азербайджана начнут иссякать).

Уравновешивающие азербайджанские действия и заявления милитаристского характера ресурсы Армении и Нагорного Карабаха представлены в Докладе с превентивно сдерживающих позиций, что, с нашей точки зрения, очень точно отражает нынешние реалии военно-политического противостояния сторон конфликта. Со ссылкой на армянских экспертов, Доклад отмечает возможность привлечения Арменией такого действенного ресурса сдерживания Азербайджана от размораживания конфликта, как «держание на прицеле» той инфраструктуры главной нефтяной артерии потенциального агрессора (нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан), которая находится на поверхности и критически важна для эксплуатации нефтепровода (прежде всего, насосные станции нефтепровода на территории Азербайджана)¹. Весьма важно, что,

¹ На территории Азербайджана находятся две (из восьми) насосные и одна (из четырех) измерительная станции нефтепровода.

упомянув факт прохождения нефтепровода в примерно 20 км от линии соприкосновения сторон вместе с фактом нахождения на вооружении армянской стороны оперативно-тактических ракет, Доклад приводит слова заместителя председателя парламента Республики Армения В.Ованесяна о том, что «первая цель, которая должна быть разрушена в случае агрессии Азербайджана, это его нефтяные мощности».

Помимо этого сдерживающего ресурса, Доклад упоминает и возможность превентивных мер с армянской стороны, ссылаясь на слова нового Президента НКР: «Если мы обнаружим, что действия Азербайджана содержат прямую угрозу безопасности народа Нагорного Карабаха, мы можем предпринять превентивные военные акции в ответ на эту угрозу».

В других своих положениях Доклад не всегда выглядит в равной мере сбалансированным в отношении сторон конфликта¹, но в экономических и военных блоках анализа нынешней ситуации конфликта Доклад весьма объективен в представлении реальных возможностей и ресурсов поддержания сбалансированности на минимально необходимом уровне.

Михаил Агаджанян

¹ В этом отношении нынешний Доклад включил многие положения предыдущей редакции от 11 октября 2005г. Так, в своей гуманитарной части Доклад всячески подчеркивает необходимость возвращения азербайджанцев - внутренне перемещенных лиц в места своего доконфликтного проживания и в тоже время абсолютно умалчивается проблематика главной жертвы конфликта, до сих пор пребывающей, в значительной своей массе, в неопределенном политико-правовом положении и тяжелой социально-экономической ситуации, – армян-беженцев из бывшей Азербайджанской ССР. На этом гуманитарно-разбалансированном фоне, Доклад рекомендует «де-факто властям Нагорного Карабаха прекратить поддержку расселению армян на оккупированных территориях, положить конец приватизации, развитию инфраструктуры и формированию местных структур власти на этих территориях».

УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ. РОССИЯ, КАЗАХСТАН – ОПЫТ СОЧЕТАНИЯ СОВЕТСКОЙ И ЗАПАДНЫХ МОДЕЛЕЙ

Теоретические истины зачастую только тогда становятся подлинным достоянием индивида, когда доводятся до уровня эмоционального переживания, т.е. оказываются в достаточной мере выстраданными.

В кибернетике управление рассматривается как процесс, включающий этапы: формулировка цели, планирование (расчет траектории достижения цели) плюс обратная связь – контроль (мониторинг) отклонений от запланированной траектории и оперативное управление, исправляющее ситуацию, корректировка цели, если прежняя цель стала неадекватной.

Сегодня это классическое положение в приложении к Армении в контексте современных реалий воспринимается иначе, чем, например, десять лет назад. А эти современные реалии состоят в том, что налицо глобальная общемировая тенденция нарастания Хаоса, связанная с изменением структуры мирового порядка и ломкой, разрушением фундаментальных общественных институтов, прежде всего – семьи и государства.

Мир находится в процессе перехода к новой идеологии развития и системе управления им, новому типу отношений между народами. Как долго будет идти этот процесс и насколько он будет болезненным для данной страны – зависит от степени его осознания элитой народа.

В этих условиях отсутствие на верхнем государственном уровне вышеприведенной классической схемы управления, ее подмена на компромиссное распределение благ между группами влияния означает максимальную открытость давлению внешнего хаоса.

В контексте сказанного на постсоветском пространстве можно выделить три субъекта, выгодно отличающихся от остальных: Белоруссия, Казахстан, Россия последних лет. Все три субъекта выбрали наиболее адекватную современным реалиям стратегическую цель развития (первый и наиболее важный этап процесса управления), которая в зависимости от лидера, национальных особенностей, стартового научно-экономического потенциала с разной степенью последовательности внедряется в жизнь.

Эту стратегическую цель в Казахстане на государственном уровне сформулировали как перевод экономики в индустриально-инновационный режим развития.

По этому поводу президент Казахстана Назарбаев сказал: «Наша задача – научить казахстанцев жить так, как будто в республике нет нефти и газа».

Напрашивается сравнение с Арменией, в которой промышленное развитие все больше ассоциируется с молибденом, медью, золотом, а теперь и ураном, и все это – на фоне опережающего роста импорта.

Для оценки уровня инновационности в мировой практике используется предложенный Мировым банком индекс *KEI (Knowledge Economy Index)* – уровень использования знаний в экономике. По этому индексу Армения занимает 52-е место, в то время как по параметрам советского периода она как минимум входила в первую десятку.

Казахстан по этому индексу сегодня занимает позицию ниже Армении, но поставил амбициозную задачу резко подняться вверх, как в свое время это сделала Финляндия, опыт которой он методологически заимствует.

Поставленные вышеупомянутыми странами амбициозные задачи на современном языке обобщаются как построение национальной инновационной системы (НИС) – термин, введенный в обращение специалистами *Rand Corporation*.

С позиции сказанного все множество современных стран можно разбить на три группы:

- имеющие НИС и ставящие стратегическую цель ее развития

- не имеющие НИС, но ставящие стратегическую цель ее создания
- остальные страны, не имеющие НИС и не ставящие цель ее создания

Страны третьей группы не имеют будущего и должны стать ресурсным (в широком смысле) придатком стран первых двух групп. Можно уточнить, что страны первых двух групп составят основу «золотого миллиарда».

Озвученная в Казахстане стратегическая цель базируется на аналитических разработках российских стратегических центров.

В этих центрах были рассмотрены 3 возможных сценариев развития: ресурсно-сырьевой, индустриально-инновационный, экспортно-ориентированный.

Для России был рекомендован и принят на правительственном уровне индустриально-инновационный вариант. Ресурсно-сырьевой вариант, не соответствующий имеющемуся научно-аналитическому потенциалу и задачам национальной безопасности, был отвергнут сразу.

Экспортно-ориентированный вариант, при котором экспорт становится локомотивом развития, был также отвергнут в силу слабой связи экспортных отраслей с остальными. В итоге, роль локомотива слабо выполняется, а зависимость от внешней конъюнктуры принимает критический характер, и таким образом возникает угроза экономической безопасности страны.

Индустриально-инновационный вариант означает системное развитие всей экономики в контексте национальной инновационной системы – НИС.

В рамках этого варианта экспорт выступает естественным следствием развития.

Складывается четкое ощущение, что в России научно-аналитическая база, в том числе в аспекте стратегического анализа, намного опережает практическое внедрение принимаемых решений.

Если в аспекте стратегического анализа страны постсоветского пространства намного уступают России (в этом смысле Россия – одна из мировых лидеров), то в аспекте практической реализации они могут оказаться в более благоприятных условиях.

В тех странах, где это поняли, российские аналитические разработки серьезно изучаются и адаптируются к национальной специфике.

Укрупненно задачу построения НИС можно разбить на две стратегические подзадачи обеспечения:

- режима функционирования фундаментальной науки в соответствии с принципами самодостаточности, элитарности, системности,
- эффективности реализации инновационной цепочки: мысль – экономический продукт (собственно НИС).

Создание и функционирование НИС предполагает оптимальное сочетание механизмов государственного планирования и рыночного саморегулирования.

Первые должны доминировать при решении первой подзадачи, вторые – при второй (реализация инновационной цепочки), но при наличии контекстной государственной политики.

В СССР функционировал прекрасно отлаженный механизм планирования сверху вниз, который имеет свою адекватную зону использования при необходимости задания общего вектора развития. Но практика показала бесперспективность распространения этого механизма на процесс внедрения прикладных инновационных идей.

За последние 25-30 лет западные страны сумели создать достаточно эффективные механизмы реализации инновационной цепочки, в основе которых лежит идеология рискованного (венчурного) финансирования прикладных проектов. Институциональное (структурно-правовое) выражение этого механизма получило название венчурной индустрии. Здесь содержалось одно из решающих преимуществ Запада перед СССР.

Следует еще раз подчеркнуть: одинаково абсурдно решать все задачи планированием сверху вниз – одна крайность, и распространять рыночные механизмы на всю экономическую

систему – другая крайность. В частности, специалисты *Rand Corporation* вкладывали в понятие НИС, прежде всего, государственную инновационную политику.

Таким образом, перед Арменией, как и другими странами постсоветского пространства, сознательно на государственном уровне ставящих цель создания НИС, стоит задача избирательного отбора культуры планирования советского прошлого и венчурной индустрии экономической культуры западных стран.

В США аналитическое обобщение заимствования внешнего опыта получило достаточно высокий теоретический уровень, прежде всего, в форме функционального анализа.

Суть его в представлении исследуемого объекта – системы, как набора соответствий: функции – структуры. В СССР этому соответствовало функционально-структурное представление организаций.

При этом функции первичны и универсальны, и они более или менее одинаковы для различных стран, в то время как выполняющие их структуры отражают специфику конкретной страны на конкретном отрезке времени. В тех же США аналог этого подхода отобразился в понятиях «жесткой» (универсальной) и «мягкой» (несущей в себе локальную специфику) систем. Эти понятия были выработаны в процессе восприятия японского опыта управления производством.

С точки зрения функционального анализа, первой и важнейшей функцией управления развитием страны является разработка программы научно-технического и гуманитарного развития на ближайшие 15-25 лет.

Эта программа задает и общий вектор развития, и общий контекст для функционирования всех государственных структур.

В разных странах существуют свои национальные формы реализации этой функции.

В практике СССР в роли такого органа выступал Государственный комитет по науке и технике. В состав Комитета входили заместитель председателя Совета министров (вице-премьер – председатель Комитета, компетентный в сфере науки и ее связи с национальной безопасностью), ведущие общественно признанные ученые, в том числе президент Академии наук, руководители промышленности.

В сферу компетенции Комитета входила функция контроля за должным уровнем финансирования науки и кадровой политикой. Для обеспечения последней Комитет должен был управлять работой ВАК (Всесоюзная Аттестационная Комиссия).

Сводная Программа научно-технического и гуманитарного развития определяла рамки изменения структуры фундаментальной науки – открытие новых институтов, переориентацию существующих.

С 2000г. в РФ действует аналог Комитета – Министерство промышленности, науки и технологий (Минпромнауки), объединяющее функции упраздненного Министерства науки и технологий, а также части функций Министерства экономики и торговли. В составе Минпромнауки действует институт ЦИСН, который в содержательном отношении связан с проблематикой НИС.

В Армении указом президента создан Комитет по науке в составе Министерства науки и образования. Сравнение показывает, что ранг этого комитета существенно ниже объективно стоящих перед ним задач.

Как уже говорилось выше, одной из функций Комитета в СССР было обеспечение достаточного уровня финансирования из государственных средств академических институтов. Речь идет о базовом, нормативном финансировании.

В РФ уже определили этот уровень как обеспечение средней зарплаты научных сотрудников в \$1000 в рублевом эквиваленте по определенному фиксированному курсу.

В Казахстане поставили задачу увеличения финансирования науки на отрезке 2006-2012гг. в более чем 25 раз – с 13 до 350 миллиардов тенге (\$1 = 120,27 тенге).

Следующей по иерархии функцией управления развитием выступает разработка схемы размещения кластеров производств (взаимосвязанных производств) по регионам Армении. Исходным документом для этой схемы должна выступать Сводная программа научно-

технического и гуманитарного развития. Эта функция, естественно, возлагается на Министерство экономического развития.

У сказанного имеется весьма важный ключевой региональный аспект. Сосредоточение всего научно-культурного потенциала в Ереване порождает миграционную схему: провинция – Ереван – Запад, Россия.

Необходимо иметь достаточно диверсифицированную в региональном аспекте схему распределения научно-технического потенциала.

Принцип системности в развитии науки, получение комплексной, синергетической отдачи в СССР реализовывался посредством создания академгородков, объединяющих в единый комплекс ряд научных направлений с одной стороны – фундаментальные и прикладные исследования – с другой. Некоторым аналогом академгородков выступают создаваемые на Западе технополисы.

В РФ уже осознали, что академгородки выступают важнейшей формой национального богатства. По этому поводу принят ряд важнейших правительственных постановлений о крупных государственных инвестициях в академгородки, прежде всего Новосибирский.

В Казахстане нет недостатка в материальных и финансовых ресурсах, но нет достаточного научного потенциала. Там проблема региональных научных центров потребует привлечения научных кадров извне.

Для Армении представляется весьма актуальной задача создания двух научных центров вне Еревана, предположительно в Лорийском марзе и Шуше. Эти центры могли бы взять на себя разработку направлений, интересных и для других стран региона и вне его, и тем самым привлечь внешние инвестиции. Реализация этих национальных проектов позволит по-настоящему раскрыть потенциал взаимосвязи Спюрк-Армения. Кроме того, в этом направлении можно было бы, по крайней мере частично, переадресовать строительный бум в Ереване и тем самым обеспечить его устойчивость во времени.

Все сказанное выступает аспектом государственного планирования НИС, т.е. именно в этой сфере целесообразно использовать накопленную в советский период культуру планирования.

Комплекс фундаментальной науки выступает важнейшим, хотя и не единственным источником прикладных идей, выступающих началом инновационной цепочки: мысль – экономический продукт, которая является единственным реальным источником экономического развития.

Для реализации этой цепочки должны быть задействованы рыночные механизмы при наличии контекстного государственного управления.

В СССР реализация инновационной цепочки была также возложена на Государственный комитет по науке и технике. Однако в силу принципиальных ограничений по использованию рыночных механизмов его деятельность в этой сфере не могла быть до конца успешной.

В мировой практике рыночные механизмы в реализации инновационной цепочки осуществляются посредством венчурных (рисковых) инновационных проектов. Венчурные фонды являются коммерческими финансовыми структурами, инвестиции которых имеют форму приобретения доли, пая в уставном капитале фирмы партнера. Прибыль венчурного фонда образуется в результате продажи своей доли после того, как продукция фирмы получила определенную известность.

Управление этими фондами (управляющие компании) осуществляют специалисты, компетентные не только в области финансов, но и конкретной области научно-технической специализации.

В РФ проблема создания венчурной индустрии распределена между двумя ключевыми организациями: РАВИ (Российская ассоциация прямого и венчурного инвестирования) и РВК (Российская венчурная компания).

Учредителями первой выступают венчурные фонды, а второй – Минпромнауки.

На начальном этапе пока не сформировалась система венчурных фондов, деятельность РАВИ финансируется государством, в дальнейшем – венчурными фондами.

Распределение ролей между ними следующее.

На РАВИ возложена миссия создания инфраструктуры венчурной индустрии:

- разработка правового поля,
- информационное обеспечение, включая варианты экспертизы,
- создание площадок состыковки венчурных фондов и авторов проектов,
- подготовка кадров.

Кроме того, на РАВИ возлагается периодический выпуск аналитических обзоров по состоянию венчурного инвестирования.

На РВК возложена миссия создания венчурных фондов, в этом смысле она выступает как бы фондом фондов.

Высший управляющий орган РВК – Совет директоров, возглавляемый министром Минпромнауки. Половина членов Совета представлена высшими чиновниками, другая половина – зарубежными менеджерами крупных венчурных фондов (независимые профессионалы).

Управляющие компании венчурных фондов, претендующие на долевое участие государства в их капитале, отбираются на конкурсной основе. Основные требования:

- наличие проектов в не менее чем 8 компаниях реального сектора, сроком в течение 5 лет,
- устанавливается нижняя планка по рентабельности проектов.

В соответствии с зарубежным опытом (Голландия, Израиль) капитал отобранного венчурного фонда формируется по следующей структуре: 50% – РВК, 49% – учредители, 1% – члены управляющей компании. Последние вносят залоговую сумму 20 млн рублей, которая им возвращается после начала деятельности.

Санкт-Петербург выбран в качестве регионального методологического центра венчурной индустрии. Ежегодно там проводятся представительные международные симпозиумы.

В Казахстане используется аналог финской модели, в которой государственная поддержка венчурных фондов распределена между Министерством науки и образования и Министерством экономического развития через некоммерческое агентство. Первое способствует прохождению начальных стадий венчурного процесса до создания предприятия, второе – начиная с момента его создания и до успешного внедрения на рынок.

Крупные венчурные фонды Казахстана столкнувшись с нехваткой идей, проектов в своей республике начали успешно осваивать этот рынок за рубежом с последующей реализацией у себя.

Все вышесказанное имело цель обосновать следующее утверждение: Армении необходимо иметь единую логическую схему управления научно-техническим развитием и экономикой как элементами общего целого.

С этой целью целесообразно создать рабочую группу во главе с премьер-министром и обслуживающую ее группу экспертов. Поручить последней в сжатые сроки обобщить и представить руководству республики существующие схемы управления в малых и средних странах Европы, постсоветского пространства.

Зафиксировать на государственном уровне вектор развития в той или иной форме, например создание национальной инновационной системы или перевод экономики в режим инновационного развития.

Хотя Армения несколько отстала в аспекте реализации этих процессов, но думается, что существующий научно-технический потенциал в республике и спурке позволит выправить положение.

Кроме того, не только руководство страны, но и вся общественность должны очень четко осознать, что другого выбора нет, что нам больше нечего противопоставить окружающим нас странам.

Игорь Багрян

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ

Анализу феномена стратегического планирования в политике посвящена работа политика и ученого академика А.Кокошина¹. Тема эта чрезвычайно актуальная для нынешнего этапа развития России. Она практически не затрагивается в отечественных работах, поскольку организация системы рационального планирования в политике есть крайне сложная, трудновыполнимая задача, требующая организации слаженного процесса выработки, принятия и реализации государственных решений.

Современная мировая научная мысль дает нам примеры работ, посвященных тому, как следовало бы планировать политику той или иной страны. Как правило, такие работы появляются после совершения крупных политических и организационных просчетов, событий, носящих катастрофический характер. Так, в США много исследований было посвящено причинам и урокам кубинского кризиса, вьетнамской войны, а в новейшей истории – причинам и последствиям террористических атак 11 сентября 2001г.

Примером яркого и редкого предвидения стал совместный труд под названием «Превентивная оборона»², авторами которого являются бывший министр обороны США У.Перри и видный политолог Э.Картер, занимавший пост одного из заместителей министра. В этой книге, увидевшей свет в 1999г., честно признается, что «занимаемая Соединенными Штатами сегодня позиция безусловного лидерства в мире» делает их «привлекательной мишенью для недовольных», в первую очередь имея в виду вероятность актов «катастрофического терроризма» (что и произошло в сентябре 2001г.). Но что еще более ценно, так это предлагавшаяся уже тогда авторами система мер и структурных изменений в госаппарате, которая могла бы предотвратить подобные акты и снизить опасность их последствий.

Такую «структурную перестройку» в США начали лишь после трагических сентябрьских событий. За недостаточную оперативность в корректировке стратегического планирования была заплачена непомерно высокая цена – более 2 тыс. жизней мирных граждан.

А.Кокошин отмечает, что «лишь очень небольшая часть современных политиков–практиков способны мыслить, обращаясь к будущему, планировать будущее, то есть обладают стратегическим мышлением» (с. 9). В России органом, которому вменяется в обязанность стратегическое планирование, является Совет безопасности, которому эта функция передана в соответствии с Положением, утвержденным Президентом России В.Путиным 25 июля 2006г. Однако отнюдь не всегда в короткой российской истории этому органу удавалось выходить на высший уровень стратегического планирования, а обеспечение процесса слаженной реализации всего процесса стратегического планирования до настоящего времени остается актуальной задачей не только для России, но и для других развитых стран мира.

Нельзя не согласиться с А.Кокошиным в его принципиальной оценке, что «во многих сегментах отечественного политического класса, госаппарата, бизнеса фактически отсутствует понимание сверхсложности данной задачи, процесса формулирования такой стратегии, даже отработки системы координат, в которой должна определяться и реализовываться данная стратегия» (с. 12). В российской политической среде всякие разговоры о выработке очередного документа в сфере национальной безопасности (будь то Концепция национальной безопасности, Военная доктрина или что–либо иное) начинаются, как правило, с призывов о необходимости выработать в первую очередь так называемую «национальную идею».

¹ Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. М., 2007, 224 с.

² Картер Э.Б., Перри У.Дж. Превентивная оборона (новая стратегия безопасности США). М., 2003, с. 158.

Такие попытки предпринимались в новейшей российской истории неоднократно, причем даже под эгидой администрации президента. Однако ни к каким заметным результатам они не привели. Может, действительно прав великий князь Николай Романов, заметивший, что «придумать национальную идею для России очень трудно, практически невозможно. Потому что даже само понятие «национальная идея» говорит о национальном признаке. А кровь людей, живущих в России, настолько перемешана, что сложно сказать, какой мы все национальности». Однако, как считает он, хотя смешанная кровь и не позволит придумать национальную идею, в которую поверили и которую поддержали бы все, но «именно смешанная кровь объединяет столь многонациональную страну»¹.

Действительно, выработать национальную идею для нашей страны – задача непростая. Она тем более трудна в условиях быстрой смены условий политической, социальной и экономической жизни страны и народа. Задача еще более осложняется наличием в обществе диаметрально противоположных настроений и политических позиций – от «рудиментной идеологии» псевдокоммунизма советской эпохи, поддерживаемой компартией, до «квазирыночных» устремлений, выражаемых Союзом правых сил.

Не менее трудная задача состоит и в осознании для новой России собственной идентичности – ответа на вопрос: историю какой страны – СССР или царской России – мы продолжаем? По этой проблеме также не стихают споры, затрудняющие продвижение в практическом плане по пути стратегического планирования политики.

Однако, как отмечается в книге А.Кокошина, «в странах, добившихся крупных результатов в своем развитии в годы после Второй мировой войны (Китай, Индия, Франция, Япония и др.), политики, не говоря уже об интеллектуальной элите, весьма значительное внимание уделяют обеспечению такой идентичности» (с. 13). К сожалению, у нас на таком пути пока много препятствий, в том числе и наличие отмеченных выше диаметрально противоположных политических настроений, поддерживаемых значительными сегментами российского общества.

Есть и другая важнейшая причина, серьезно осложняющая сами подступы к стратегическому планированию. Такое планирование нужно в первую очередь для того, чтобы обеспечить достойное место России среди наиболее развитых государств мира. А сделать это можно (имея в виду весь комплекс непростых проблем, решаемых нашей страной за короткий срок, в том числе и борьбы с доставшимся нам в наследство серьезным научно-техническим отставанием в ряде областей знаний) за счет модернизации страны, обеспечения ее «опережающего развития».

Без всемерного стимулирования развития науки решить эту задачу невозможно. В новой демократической России, к сожалению, не были созданы должные стимулы для развития науки – более того, на протяжении ряда лет российская наука была вынуждена в буквальном смысле слова выживать, пытаясь сохранить богатейшее наследие достижений, знаний, уникальные научные школы. Трудно оценить те потери, которые понесла отечественная наука за счет массового оттока кадров, «утечки мозгов» за рубеж.

И это было связано не только с многофакторным кризисом, в котором оказалась страна. Нашлись политические функционеры и представители бюрократической верхушки, которые стали толкать науку в русло непродуманных и непредсказуемых по своим результатам форм. Эти попытки не оставлены и до сих пор. К сожалению, абсолютно прав автор, говоря, что в нашей стране получило распространение «у значительной части политического класса, в госаппарате, в бизнесе узкоутилитарное представление о науке: если она не дает экономического эффекта, не трансформируется быстро в коммерчески реализуемые технологии, то такая наука стране – де не нужна» (с. 15).

Поэтому столь проблематична, но от этого не менее важна для целей стратегического планирования и модернизации России в целом заявленная А.Кокошиным задача – сохранение и развитие отечественной науки по широкому спектру. В данном контексте, по замыслу автора,

¹ Великий князь Николай Романов. Улучшит ли монарх жизнь России? (интервью). // Аргументы и факты, №34 (1347), 23 августа 2006.

даже если в целом ряде сегментов у нас не будет возможностей для обеспечения «технологических прорывов», поддержание научного развития на должном уровне необходимо, хотя бы для «распознавания» таких прорывов в различных областях современной как прикладной, так и фундаментальной науки.

В действительности реальная модернизация России, обеспечение ее, по крайней мере, «соотносимого» с другими развитыми государствами уровня развития, создание конкурентоспособных позиций на мировой арене невозможны без самого серьезного внимания, заботы государства о развитии науки. Ни в одном развитом государстве нет и не может быть отношения к науке как к «самокупаемому предприятию». Тем функционерам, которые не устают навязывать отечественной науке новые и новые реформы, следует помнить, что без сегодняшних «затратных исследований» невозможно обеспечить «технологические прорывы» завтрашнего дня, стратегическое планирование развития страны.

Только «ощущение нового», понимание того, что происходит в науке и технике других стран, в том числе и опередивших Россию, способны подсказать правильный выбор собственного вектора научно-технологического развития, сконцентрировать на этом направлении имеющиеся ресурсы. В этом смысле весьма показательна приводимая, в качестве примера в книге деятельность бывших вице-президента США А.Гора и Президента Индии Абдул Калама. Эти лидеры на основе собственных широких знаний, тесных контактов с экспертным сообществом, позволяющих постоянно отслеживать состояние наиболее важных областей науки, оказали решающее воздействие на развитие прорывных научных и научно-практических направлений, обеспечив передовые позиции в них для собственных стран. Для США это были информационные и биотехнологии (в особенности исключительно успешные исследования генома человека), для Индии – создание ракетно-космической промышленности страны.

В целом нельзя не согласиться с автором, что «эффективное стратегическое планирование способно обеспечить получение государством на международной политической арене *стратегической инициативы*, что в современных условиях крайне важно для нашей страны для участия в управлении процессами глобализации, для того чтобы быть реальным субъектом системы мировой политики» (с. 21). Представляется, что в этом важном положении ключевым является тезис об «участии в управлении».

В российских политических, да и экспертных кругах часто можно слышать ставшее расхожим высказывание о том, что Россия должна служить «мостом» между Западом и Востоком. Под такое представление «верстаются» многие проекты. Но даже строительство и создание «трансроссийских» транспортных маршрутов (не говоря уже об иных, интеграционных проектах, в телекоммуникационной сфере, например) должны реализовываться не на принципе превращения нашей страны в «перевалочный пункт» для иноземных товаров, а на основе именно «участия в управлении» потоками.

Брошенная когда-то первым Президентом СССР фраза о том, что мы можем стать «законодателями моды», сохраняет свою актуальность. Президент В.Путин выразил данную цель как обеспечение «конкурентоспособности страны». Эта цель может быть достигнута оптимальным путем, когда на основе занятия ключевых позиций в управлении и распоряжении потоками Россия возьмет на себя функцию еще и придания некоторым из них категории нового, более высокого качества. Это относится и к имеющим сегодня место поставкам энергоресурсов, которые было бы более выгодно осуществлять не в виде сырья, а в виде продуктов его переработки. Стратегическое планирование таких преобразований сегодня необходимо – придание товарам иного качества способно создать для нашей страны серьезный задел на будущее.

К решению этой проблемы пытались «подступиться» еще в Советском Союзе. Хочется надеяться, что в современной России решение этих насущных для «планирования будущего» нашей страны вопросов перейдет из области дискуссий в практическую плоскость.

Крайне интересен и поучителен раздел книги, посвященный образцам успешного научного предвидения. В нем на уникальном материале автор анализирует «образцы предвидения» Ф.Энгельса, выдающегося русского и советского военного историка и теоретика

А.Свечина, возвращение имени которого в свое время из искусственного забвения в годы советской власти во многом является заслугой А.Кокошина.

Значительная часть книги посвящена осмыслению теоретических и практических вопросов, относящихся к стратегическому планированию. Автор указывает, что «одним из важнейших компонентов политического планирования является определение целей, *целеполагание*». Но оно, в свою очередь, «может прежде всего осуществляться на основе максимально детально проработанных определений *национальных интересов* нашей страны» (с. 58). Однако здесь мы сталкиваемся с трудно преодолимыми на сегодня полярными крайне политизированными взглядами пока еще неконсолидированного общества новой страны – России. И здесь абсолютно прав автор, говоря, что «устойчивые представления о национальном интересе существуют там, где в обществе нет слишком большого разрыва между различными слоями общества, где есть значительный по своей численности и социально–политическому влиянию средний класс» (с. 61). В России, которая еще только сделала первые шаги на пути к правовому государству, в котором должны быть безусловно защищены права гражданина и его собственность, пока еще только возникают условия для создания среднего класса.

В качестве одного из наиболее интересных примеров комплексной стратегии политико–военного плана автор приводит стратегию «асимметричного ответа» на американскую программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ), выдвинутую Президентом США Рональдом Рейганом в 1982г. Пример тем более интересный, что А.Кокошин вместе с академиком Е.Велиховым был во главе группы советских ученых, сформулировавших и детально обосновавших эту стратегию. В рамках научно–теоретических новаторских разработок, которые были проведены, рассматривались самые разнообразные сценарии массированного применения ядерного оружия первой другой стороной с попыткой максимально действенных обезоруживающих и «обезглавливающих» ударов, выводящих из строя прежде всего стратегические ядерные средства оппонента и его систему управления.

Новаторским для того времени было моделирование гражданскими специалистами такого рода сценариев с использованием ЭВМ. Профессиональный уровень подготовленной в рамках проекта модели был настолько высок, что впоследствии она была передана в соответствующие подразделения Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

В рамках стратегии «асимметричного ответа» на американскую СОИ предусматривался широкий комплекс мер как по повышению боевой устойчивости советских СЯС, так и по их способности преодолевать многоэшелонированную противоракетную оборону. Если в США в то время имелись значительные открытые наработки, предлагавшие комплексную оценку эффективности предлагаемой ПРО и военно–политических последствий реализации этой программы, то в нашей стране имелись лишь отдельные работы на этот счет.

Серьезным прорывом, обеспечившим успех всего дела, в рамках возникшего тогда уникального взаимодействия отечественных ученых было объединение усилий специалистов разных областей для открытого публичного решения важной задачи государственного уровня. Причем работа эта велась под патронажем первых лиц государства.

Новаторским было и широкое взаимодействие с американскими учеными, налаженное в ходе работы. Именно совместными усилиями – на основе фундаментальных разработок и привлечения к работе авторитетных специалистов с мировыми именами – удалось тогда подорвать позиции сторонников СОИ и развенчать саму программу, а руководству нашей страны – не пойти по затратному пути гонки вооружений в новой сфере –космическом пространстве.

Все эти вопросы остаются, к сожалению, актуальными и сейчас, более чем через 20 лет. Российское руководство приходит к тем же, выведенным еще в 1980–х годах с участием отечественных ученых «асимметричным» сценариям ответов на любые варианты развертывания ПРО США. Однако сегодня декларирование, а тем более реализация любого подобного сценария вступает в неизбежное и принципиальное противоречие с декларированным президентами двух стран партнерским форматом российско–американских отношений. На это противоречие, к сожалению, официальные лица и эксперты предпочитают не обращать внимания. Представ-

ляется все же, что подобная алогичная ситуация может служить наглядной иллюстрацией дефицита стратегического планирования.

Ясно, что такое положение дел не может долго продолжаться – рано или поздно форма отношений должна быть приведена в соответствие с их содержанием. Данная дихотомия двусторонних отношений настоятельно требует своего разрешения. Пока, к сожалению, наличие по-прежнему нацеленных друг на друга стратегических ядерных потенциалов, сохранение концептуальной политики и идеологии ядерного «сдерживания посредством устрашения», дефицит реального сотрудничества размывают основы декларированного партнерства.

Стратегическое планирование как российско–американских отношений, так и отношений России с другими странами и мировыми центрами невозможно без наличия системы публичных документов, декларирующих наши долгосрочные цели. В этом смысле весьма поучительным может быть пример других стран.

Пожалуй, в наибольшей степени «культура» выработки документов такого рода проработана в США. В этом смысле весьма уместны упоминание и анализ американской системы стратегических документов в сфере внешней и военной политики. Так, в свое время Вашингтоном была принята президентская директива СНБ–68, определившая политику США в отношении СССР по крайней мере на последующие 20 лет.

Современные американские документы, декларирующие и определяющие стратегию страны в военно–политической сфере, появляются и обновляются регулярно. По изменениям в лексике, характеризующей отношения США с другими странами, можно судить об эволюции позиции Вашингтона относительно тех или иных государств и их политики, происходящих в мире процессов.

Документы такого рода являются важной и неотъемлемой частью стратегического планирования. В то же время, как абсолютно точно полагает автор, благодаря заложенным в лексику этих документов лозунгам и семантическим комбинациям они к тому же призваны «служить оружием политико–психологического воздействия как внутри страны, так и в мирополитической сфере» (с. 98).

В России, к сожалению, деятельность по созданию и обновлению такого свода документов осуществляется нерегулярно. Последние редакции Военной доктрины России и Концепции национальной безопасности появились в 1997г., а затем – в 2000г., с интервалом всего в три года. С тех пор прошло семь лет и в мире произошли кардинальные изменения, но так и не увидел свет очередной комплексный документ, который дал бы нашу оценку этим изменениям, обозначил бы нашу стратегию в новых изменяющихся условиях.

В целом очевидно, что необходима структурированная и выработанная на основе институционального, а еще лучше – общественного согласия долгосрочная стратегия России в отношении основных участников мирового процесса. Она может иметь как открытую (публичную), так и закрытую часть, предназначенную для руководства страны. В свое время была определена и достаточно логичная «цепочка» взаимосвязанной системы из трех отечественных документов (например, стратегия, концепция и политика в сфере национальной безопасности).

Такой свод документов является необходимым компонентом, без которого стратегическое планирование крайне затруднено. Без него невозможна и артикулированная декларация собственных целей и задач на мировой арене, а также целенаправленная и понятная собственному народу и участникам мирового процесса деятельность по их реализации. Книга известного исследователя академика А.Кокошина дает ответы на вопрос, как начать отстраивать столь необходимую и отвечающую интересам России систему стратегического планирования.

Сергей Ознобищев¹

¹ Сергей Константинович Ознобищев – директор Института стратегических оценок.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИАСПОРОЙ ЗА РУБЕЖОМ

В текущую повестку диаспоральной политики Республики Армения прочно вошла необходимость эффективного институционального оформления отношений между армянской национальной государственностью и армянской Диаспорой за рубежом, придания этим отношениям четко структурированного вида.

Диаспоральная политика Армении должна основываться на объективных параметрах международного опыта развития отношений в системе «национальное государство – национальная диаспора», а также учитывать всю палитру специфики взаимоотношений Армении и армянской Диаспоры, обусловленную внешнеполитическими, демографическими вызовами и угрозами армянской государственности и социокультурными вызовами армянской Диаспоры в рамках инациональных государств.

В современных исследованиях взаимоотношений государств и национальных диаспор все более утверждается подход, который можно охарактеризовать в терминах прагматичности. Последняя выводится из следующих объективных параметров:

1) развитие такого феномена, как транснациональные сети, совершенно по-иному заставило взглянуть на роль и место диаспор в системе международных связей и обратить особое внимание на их экономический, социокультурный и общественно-политический потенциал. Подход к зарубежной диаспоре как к важнейшему внешнеполитическому и экономическому ресурсу получает все большее распространение в международной практике современных государств, имеющих значительный потенциал использования диаспорального ресурса на международной арене. Использование потенциала зарубежной диаспоры для создания сети экономических, общественно-политических и иных связей – достаточно распространенная мировая практика. Но далеко не всегда первое слово принадлежит государству. Нередко сама диаспора создает систему сетевых связей и государство – историческая Родина становится одним из звеньев этой международной цепи;

2) не менее актуальной является прагматическая потребность уже для самих национальных диаспор поддерживать на достаточном уровне элементы собственной национальной идентичности, самобытности и соответственно противодействовать вызовам ассимиляционного характера, неизменно присутствующих в той или иной степени и интенсивности в рамках инациональной государственной среды. Очевидно, что в этом вопросе без «национально-питательной» поддержки комплексного характера со стороны собственной национальной государственности противостояние указанным вызовам усложняется, а зачастую становится и вовсе недейственным;

3) прагматизм, связывающий в единую и органично взаимодействующую системную сеть два вышеуказанных параметра, требует своего институционального, структурированного оформления. Последнее предполагает наличие определенного центра планирования, координации и реализации диаспоральной политики усилиями государственных структур, непосредственно сконцентрированных в этой сфере деятельности.

Опыт зарубежных стран «диаспорального» характера (наличие влиятельных и количественно значительных национальных общин, рассеянных по всему миру) выработал устоявшиеся подходы к созданию подобных структур на внутригосударственном уровне. Важно подчеркнуть, что во многих государствах институциональное оформление связей с диаспорами строится с учетом двух главных потребностей: обеспечение работы с диаспорой по направлению репатриационной политики (возвращение соотечественников на историческую Родину) и координация действий, ресурсов в системе «государство-диаспора» для достижения целей и решения задач внешнеполитического характера.

Рассмотрим несколько примеров создания и функционирования внутригосударственных органов в сфере диаспоральной политики.

Франция

В 1961г. во Франции был учрежден пост госсекретаря по вопросам репатриации и принят закон, установивший порядок репатриации и размещения французских граждан в метрополии. В том же году было создано Миграционное бюро заморских департаментов, подчиненное министру финансов и госсекретарю по делам заморских департаментов и территорий, основной задачей которого явилась проблема трудоустройства «заморских французов» во Франции.

Органом, призванным формулировать и реализовывать диаспоральную политику Франции, а также защищать права и интересы французов за пределами своей национальной государственности, выступает Высший совет по делам французов за границей. Высший совет является консультативным органом при министре иностранных дел Франции. Председателем Высшего совета является по должности министр иностранных дел. В Высший совет входят 12 сенаторов, специально избираемых для защиты интересов французов, проживающих за границей. 150 делегатов Совета избираются всеобщим прямым голосованием французами в различных странах или регионах пропорционально числу проживающих там французских граждан сроком на 6 лет, с обновлением состава наполовину каждые три года.

Высший совет образует комиссии по основным направлениям своей деятельности (экономике, социальным, юридическим вопросам, по вопросам образования и культуры, по делам ветеранов войны).

Функции Высшего совета носят консультативный характер. Совет уполномочен высказывать правительству через министра иностранных дел свою точку зрения по любым вопросам, так или иначе затрагивающим интересы французских граждан, проживающих за границей. Кроме того, сенаторы, входящие в Высший совет, могут, как члены парламента, выступать с законодательной инициативой в защиту интересов французских граждан за границей.

Израиль

Основным органом, занимающимся вопросами репатриации, является Министерство абсорбции. Оно занимается вопросами размещения и эффективной адаптации репатриантов в Израиле. Еврейское Агентство («Сохнут») задействовано в разработке специальных программ по выявлению и привлечению в Израиль репатриантов-евреев. Основные усилия Агентства направлены на работу с молодежью, которую «Сохнут» пытается привлечь в Израиль учебными программами для обучения в старших классах школы и в израильских вузах. Методологию поиска обладателей права на репатриацию, а также соответствующие репатриационные программы разрабатывает специальная группа, в которую входят сотрудники различных отделов Агентства.

В структуре Министерства иностранных дел Израиля действует Аппарат по делам евреев за рубежом, возглавляемый советником министра иностранных дел. Аппарат предназначен для поддержки связей между государственными органами Израиля и еврейскими организациями за рубежом через дипломатические представительства Израиля. В Аппарат входят четыре должностных лица (помимо советника министра иностранных дел) в ранге дипломатических работников.

Греция

В структуре Министерства иностранных дел Греции функционирует Генеральный секретариат по делам зарубежных греков (с 1983г.). Структура возглавляется должностным лицом в ранге генерального секретаря, имеет свой отдельный от Министерства иностранных дел бюджет и включает около 70 работников. Основная функция Секретариата состоит в координации совместных усилий государственных органов власти Греции и греческих диаспоральных структур за рубежом.

В сферу ответственности Секретариата входят поддержка в изучении родного языка зарубежными греками, снабжение их необходимой информацией о самой Греции, оказание им различных видов помощи и поддержки.

Всемирный совет греков за рубежом был создан в 1995г. с целью защиты интересов всех греческих организаций, действующих за пределами Греции. Совет является внепартийной, независимой структурой с консультативными функциями в вопросах защиты греческих национальных интересов за рубежом. Совет формируется исключительно из представителей греческих организаций диаспоры. Исполнительный орган Совета включает 9 должностных лиц, в числе которых 4 вице-президента Совета, обеспечивающих представительство интересов и реализацию решений Совета в четырех региональных зонах ответственности.

Генеральный секретариат по делам зарубежных греков и Всемирный совет греков за рубежом действуют в тесной координации. Секретариат обеспечивает институциональную связь между государственными органами Греции и организациями греческой диаспоры.

Польша

В структуре Министерства иностранных дел Польши действует Департамент по делам Полонии (наименовании польской диаспоры за рубежом), возглавляемый директором. Деятельность Департамента курируется одним из заместителей министра иностранных дел Польши, и директор Департамента Полонии находится в прямом подчинении к нему. Департамент обеспечивает связь с организациями польской диаспоры за рубежом через дипломатические представительства страны.

Работа с польской диаспорой непосредственно планируется и координируется другим органом исполнительной власти страны – Межведомственным комитетом по делам Полонии. Комитет возглавляет заместитель министра иностранных дел Польши, в состав его членов по должности входят представители министерств образования, культуры, финансов, иностранных дел и аппарата премьер-министра Польши.

Китай

При Госсовете КНР функционирует Канцелярия (прежнее название – Центральная комиссия) по делам китайских эмигрантов. В ее задачи входит разработка общей концепции и практической политики в отношении соотечественников, механизма вовлечения финансовых и материально-технических средств зарубежных китайцев в процессы модернизации экономики КНР. Вся практическая деятельность в данной области осуществляется общественной организацией – Всекитайской ассоциацией репатриантов (ВАР), которая действует под непосредственным руководством Канцелярии.

В 1988г. создана Комиссия по делам китайских эмигрантов при Всекитайском комитете Народного консультативного совета Китая – общественно-политической организации, действующей в рамках «политики единого фронта», объединяющего в том числе представителей некоммунистических политических партий и организаций. В Китае действует (с 1 января 1991г.) «Закон о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов», согласно которому указанные категории граждан пользуются значительными финансовыми и налоговыми льготами и возможностями по переводу, инвестированию и реинвестированию капиталов¹.

Михаил Агаджанян

¹ Диаспоральная политика Китая отличается тем, что она строится вокруг уделения особого внимания той части свой диаспоры за рубежом, которая поддерживает наиболее тесные контакты с национальным государством. По оценке китайских экспертов, именно новые китайские мигранты находятся сейчас в фокусе внимания их исторической Родины. Отношения с ними строятся исходя из признания их особой роли в деле обеспечения благоприятной ресурсной и «имиджевой» базы для экономического строительства в Китае, привлечения иностранных инвесторов и бизнес-партнеров. Китай строит свою диаспоральную политику исходя из того, что усиление работы с новыми мигрантами имеет огромную важность для продвижения государственной модернизации, включающей расширение присутствия китайского государства на внешних рынках и развития отношений со странами проживания диаспоры.

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ: ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ ФАКТОР СТРАХА¹

В свое время страны Европы предприняли попытку решить проблему нехватки рабочих рук, возникшую после Второй мировой войны, за счет привлечения мигрантов преимущественно из невоеванных стран и собственных колоний. Таким образом Великобритания стала прибежищем выходцев из Индии и Пакистана; во Франции значительно увеличилось представительство алжирцев и марокканцев; Германия пополнилась мигрантами из Турции, с которой страну связывали союзнические отношения в период Первой мировой войны и нейтрально-доброжелательные практически до конца Второй мировой.

При наличии политического решения прибегнуть к иностранной рабочей силе последовательная политика *интеграции* мигрантов в принимающее сообщество на условиях усвоения его основополагающих норм и ценностей отсутствовала. Переселенческая политика как комплекс взаимосвязанных мер в европейских странах не проводилась, и *официально* они не считались странами иммиграции. Не случайно в их законодательствах понятие «иммигрант» заменялось понятием «иностранец».

Расчет властей на временный [1] характер въезда *гастарбайтеров* себя не оправдал. Из 20 млн рекрутированных иностранцев домой вернулась только половина. «Мы хотели рабочих, а получили людей», - охарактеризовал итоги миграционной политики 1960-х гг. швейцарский писатель Макс Фриш [2]. После нефтяного кризиса 1973 г., приведшего к резкому сокращению числа рабочих мест, миграция из решения вопроса нехватки рабочих рук превратилась в проблему. Необдуманные действия властей, попытки урегулировать ситуацию в духе *держать и не пущать* дали обратный эффект. Из опасения навсегда потерять возможность вернуться на территории Европы остались *временные* трудовые мигранты преимущественно из мусульманских стран Азии и Африки. С воссоединением семей мигрантов начался процесс формирования анклавов компактного проживания мусульманских общин в Европе. Нет ни одной европейской страны, где бы не действовали или не объединились исламские организации. К настоящему времени, основываясь на одних только количественных показателях (см. *Таблицу 1*), мы можем смело утверждать, что ислам стал составной частью европейского культурного ландшафта.

Однако в свете терактов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, волнений из-за борьбы с хиджабами во Франции, погромов там же осенью 2005 г. и нарастающей *исламофобии* возникает вопрос, что несут Европе дети и внуки мусульман, составивших большую часть потока трудовых мигрантов 60-х гг. XX в.?

Таблица 1

Количество мусульман в Европе [3]

Страна	Общее население	Мусульмане	Процент мусульман по отношению к общему населению
Австрия	8 102 600	300 000	3,7
Бельгия	10 192 240	370 000	3,6
Великобритани	55 000 000	1 406 000	2,6
Германия	82 000 000	3 040 000	3,7

¹ «Индекс безопасности» научно-практический журнал ПИР-Центра (Центра политических исследований России), N 3(83) 2007г.

Страна	Общее население	Мусульмане	Процент мусульман по отношению к общему населению
Греция	10 000 000	370 000	3,7
Дания	5 330 020	150 000	2,8
Испания	40 202 160	300 000-400 000	0,7-1
Италия	56 778 031	700 000	1,2
Нидерланды	15 760 225	695 600	4,4
Португалия	9 853 000	30 000-38 000	0,3-0,4
Франция	56 000 000	4 000 000-5 000 000	7,1-8,9
Швеция	8 876 611	250 000-300 000	2,8

Три поколения - три менталитета

Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием ислама на конституционном уровне и обеспечением условий финансовой и политической независимости их членов. Подобное решение проблемы социокультурной адаптации иноэтничного населения с позиции *laisser faire* обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе представляется возможным говорить о трех поколениях мусульман Европы, и лишь старшее демонстрирует достаточную лояльность по отношению к принимающей стороне.

К первому поколению относятся экономические мигранты, прибывшие в 60-е гг. XX в. на волне деколонизации. На сегодняшний день их возраст составляет около 60 лет, Полностью пройдя U-образную кривую адаптации [4], они благополучно преодолели первые симптомы культурного шока в силу того, что сам переезд в другую страну воспринимался ими как способ изменения собственного статуса к лучшему. Показательно, что волнения осени 2005г. в пригородах Парижа не перекинулись на такие страны *новой* иммиграции, как Испания или Италия. Проживающие на их территории молодые выходцы из Марокко не предприняли никаких активных действий в связи с французскими событиями во многом благодаря тому, что являются относительно *новой* иммигрантской группой и как первое поколение иммиграции не претендуют на те блага, которые европейские государства предоставляют своим *коренным* жителям.

Второе поколение мусульман Европы составляют дети первых трудовых мигрантов, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня порядка 30-40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками.

К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе, являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь воздействию европейских СМИ, они должны были бы проникнуться духом секулярной христианско-иудейской цивилизации Запада. Однако исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме [5].

Несмотря на все усилия таких институтов социализации, как школа, средства массовой информации и т.д., говорить о совпадении *культурного кода* у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность *молодых* мусульман и препятствует их полноценной интеграции. Растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16-24 лет - по сравнению с их родителями - выявило исследование, проведенное аналитическим агентством *Populus* по заказу общественной организации *Policy Exchange*, близкой к Консервативной партии Британии.

Почти треть из 320 тыс. молодых мусульман считает необходимым введение на Британских островах законов шариата. Подобных взглядов в возрастной группе после 55 лет придерживаются около 17%. При этом 84% респондентов заявили, что с ними в Великобритании *обращаются сносно*. Мусульманин, перешедший в другую религию, должен *караться смертью*, заявили 36% опрошенных молодых людей. Мусульман старшего возраста, разделяющих столь радикальные взгляды, существенно меньше - 19%. Наиболее наглядно различие во взглядах детей и родителей проявилось, по мнению авторов доклада, в отношении к хиджабу. 74% молодых приверженцев ислама считают предпочтительным ношение женщинами хиджаба. Среди представителей старшего поколения такой точки зрения придерживаются 28%. 13% мусульманской молодежи заявили, что восхищаются такими организациями, как *Аль-Каида*, - по сравнению с 3% в возрастной группе старше 55 лет. 58% всех опрошенных считают, что многие мировые проблемы являются результатом «наглой западной политики». При этом осведомленность респондентов о происходящем в мире оставляет желать лучшего: лишь один из пяти знает, что Махмуд Аббас является президентом Палестинской автономии. Результаты опроса 1003 представителей мусульманской общины позволили исследователям констатировать «наличие конфликта в британском исламе - между умеренным большинством, которое приемлет нормы западной демократии, и растущим меньшинством с противоположными воззрениями» [6].

Внутреннее расслоение мусульманских общин по возрастным и этническим показателям не позволяет свести сложившуюся на современном этапе ситуацию к примитивной формуле **мусульмане Европы = насилие + отказ от интеграции**. В глазах *коренного* населения все они, вне зависимости от страны этногенеза, воспринимаются как *мусульмане вообще*. И действительно, в качестве иммигрантов представители афро-азиатских общин образуют квазиэтническую группу, стержнем которой является ислам. Но в рамках диаспоры этническая и земляческая принадлежность оказывается более значимой, нежели конфессиональная. Исследование мусульманских общин с точки зрения потенциала к интеграции требует анализа истории и современного политического контекста взаимодействия каждой общины с принимающим сообществом, с тем пониманием, что *единый мир ислама*, как и *единая Европа*, есть не более чем фигуры речи. Как отметил член верхней палаты парламента Египта (Шуры), старший руководитель политического секретариата правящей Национальной демократической партии Мохаммед Камал в интервью газете *International Herald Tribune*: «Вы не можете говорить о едином мусульманском мире - в силу различий в доходах, уровнях развития. Вы не можете даже сказать, что мусульманский мир в целом находится на задворках цивилизации, эксплуатируется или отстает в развитии» [7].

Мусульмане Европы - найдите десять отличий...

Бельгия

Первым европейским государством, признавшим ислам в качестве одной из официальных религий, стало Королевство Бельгии (1974 г.). В двух шагах от здания Совета Европы был построен Исламский центр, в стенах которого функционирует мусульманская школа, финансируемая Министерством просвещения. Преподавание основ ислама внесено в школьную программу для мусульман, обучающихся в государственных учебных заведениях. Тем не менее имамы, в отличие от священнослужителей других признанных религиозных конфессий, до сих пор не могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. В январе 2005г. власти Фландрии издали распоряжение, в соответствии с которым право на общественное финансирование имеют лишь те мечети, чья деятельность отвечает целому ряду критериев, включая обязательное использование голландского языка вне рамок службы, терпимость к женщинам и гомосексуалистам, отсутствие призывов к экстремизму.

Несмотря на то что в Бельгии действует более 350 мечетей, в институтах гражданского общества мусульмане практически не представлены, они также не имеют собственных правозащитных организаций. Первые выборы в представительный орган - Высший совет мусульман

Бельгии состоялись лишь в декабре 1998г. В последнее десятилетие определенный прогресс был достигнут в области политического представительства мусульман: по итогам выборов 2003г. шестеро вошли в состав национального парламента, один присоединился к Европейскому парламентау. Они присутствуют во всех министерствах, муниципалитетах и законодательных собраниях страны. Однако считать данных представителей исламского мира выразителями общего мнения мусульман Бельгии нельзя в силу разобщенности последних. «Баунти - черные снаружи, белые внутри» [8] - так радикально настроенные адепты ислама отзываются о своих более успешных и умеренных в политическом плане собратях.

Подавляющее большинство мусульман Бельгии - марокканского или турецкого происхождения. Стране принадлежит сомнительный рекорд по наибольшему количеству новообращенных мусульман среди всех государств Европы. В 2006г. после того, как этническая бельгийка Мэриал Дикук, принявшая ислам, стала первой представительницей Старого Континента, совершившей акт самопожертвования в Ираке, подорвав несколько американских военнослужащих, проблема противодействия исламистской пропаганде вошла в список наиболее актуальных тем бельгийских СМИ [9].

Наличие нескольких официальных языков, недопущение расселения мусульман по принципу *гетто* с образованием закрытых кварталов способствуют интеграции мусульманских общин в бельгийское общество. Тем не менее общий уровень нетерпимости к иноэтничному населению остается достаточно высоким. Поданным бельгийского неправительственного Центра предоставления равных возможностей и борьбы против расизма, за 2003г. к ним поступило более 2,5 тыс. жалоб на случаи расовой дискриминации. Отметим также, что в практическом регулировании вопросов гражданства законодательство Бельгии ориентируется на право крови - *jus sanguinis*, согласно которому основанием для предоставления гражданства служит происхождение.

Германия

Одной из наиболее замкнутых в Европе считается турецкая община Германии. Частично это объясняется историческими причинами: Турция никогда не принадлежала к числу германских колоний, а потому большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что, в свою очередь, снижает вероятность их успешной интеграции.

Принимая иммигрантов в годы послевоенного бума, власти Германии рассматривали их как временных рабочих и высказывали твердое намерение производить замену *гастарбайтеров* каждые шесть лет. От дорогостоящей идеи *ротации кадров* руководству страны пришлось отказаться, *гостевым рабочим* было разрешено привозить за собой свои семьи. Однако вплоть до последнего времени официальные отношения с мигрантами строились в соответствии с тезисом, выдвинутым канцлером Гельмутом Коелем: «Германия никого не интегрирует» [10].

Подобное равнодушие со стороны государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т.д., выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе. Организации, подобные сообществу «Милли Герюш», служат не только адаптации, но также консолидации турецкой общины и лоббированию интересов Турции в отношениях с ЕС, в частности, в области ее притязаний на членство в Евросоюзе.

Деятельность такого рода ассоциаций нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они способствуют более активному вовлечению мусульман в общественную жизнь, повышению образовательного и экономического уровней, то есть содействуют интеграции. С другой, навязывают своим членам некую *промежуточную идентичность* немецкого турка, представителя организации, построенной по этническому принципу.

1 января 2000г. по настоянию канцлера Герхарда Шредера в Германии вступил в силу новый кодекс национальности. С этого времени она может определяться также правом почвы - *jus soli* - по месту рождения. Получить общеевропейский паспорт можно, сдав экзамен на зна-

ние немецкого языка и отказавшись от прежнего гражданства. Но к этому готовы далеко не все. В турецкой прессе одновременно ведется кампания за вступление Турции в ЕС - и против замены турецких паспортов на европейские. Парадоксально, но по последнему вопросу радикалы с обеих сторон выступают единым фронтом. Исламисты - обвиняя своих единоверцев в отступлении от Корана. Неонацисты - пытаются защитить *Дойчланд* от *исламизации*.

Франция

Иные проблемы связаны с алжирской общиной Франции. Среди западноевропейских стран Франция наиболее тесно связана с миром ислама. В 732г. Карл Мартел сумел остановить продвижение арабов под Пуатье, что не предотвратило расселение мавров вдоль средиземноморского побережья в течение VIII-IX вв. В XI-XIII вв. Франция стояла Ивоглаве крестовых походов европейских монархов, а с XV по XVIII столетие с переменным успехом вела борьбу за контроль над Средиземноморьем. Затем последовали: египетский поход Наполеона Бонапарта (1798г.), захват Алжира (1830г.), установление протектората над Тунисом (1883г.), над Марокко (1912г.) и окончательная колонизация Северной Африки. Накануне Первой мировой войны во Франции проживало около 30 тыс. североафриканцев. Война привела к массовому использованию африканских мусульман на фронте и в тылу (свыше 300 тыс. человек). Вырванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты не отличались строгим соблюдением собственных религиозных обычаев. Достаточно отметить, что первые молельные помещения для мусульман открывались по инициативе нанимателей-хозяев - для поддержания должного *нравственного климата* на предприятиях. В 1917 г. правительство приняло постановление, запрещавшее продажу спиртных напитков *колониальным рабочим*, а в 1918г. владельцам питейных заведений и вовсе запретили обслуживать выходцев из Северной Африки. Для спасения морали и нравственности в страну были приглашены имамы и талаба (духовные наставники) различных суфийских братств, в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения; были созданы первые крупные мусульманские кладбища. После Второй мировой войны реконструкция и промышленный рост способствовали трудовой иммиграции мусульман. Мусульманское население метрополии пополнялось преимущественно за счет алжирских иммигрантов. Завоевание Алжиром независимости не отразилось на трудовой миграции алжирцев в бывшую метрополию: Эвианские соглашения 1962г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром [11]. События политической истории Алжира явились причиной формирования холодно-равнодушного отношения мигрантов к своей стране, а потому степень их участия в различного рода ассоциациях значительно ниже, чем у выходцев из Турции.

Исламизации Франции способствовало ее либеральное законодательство: до 1993г. дети иммигрантов, рожденные во Франции, могли автоматически претендовать на гражданство. В 1993г. закон был ужесточен. Именно на примере этой наиболее *мусульманской* страны Европы особенно ярко проявляется высокая степень влияния внешнеполитического контекста на ход адаптации мигрантов. Начиная с 70-х гг. XX в., в развитии мусульманских общин Франции можно выделить шесть этапов, совпадающих с изменением климата на международной арене.

Первый этап охватывает период с начала и до середины 1970-х гг., когда исламские объединения совершали только первые свои шаги. Проживающие в стране мусульмане не проявляли стремления к религиозному самоутверждению. *Экономические* мигранты - в силу того, что осознавали временность своего пребывания в стране; *французы-мусульмане* - поскольку видели в отказе от исламской идентичности залог успешной интеграции в принимающее общество. На внешнеполитической арене также не происходило заметных событий: *политический ислам* еще не вступил в стадию подъема, а в странах Востока социальный протест находил выражение в марксизме и светском национализме.

Второй этап начинается с экономического кризиса 1973г. Последовавший за ним спад производства вынудил правительство принять решение о прекращении ввоза иностранной рабочей силы во Францию. Намерение властей остановить поток экономической иммиграции

привело к обратному результату: численность мигрантов (в том числе мусульман) возросла примерно в полтора раза. Опасаясь навсегда потерять возможность вернуться, в стране остались находившиеся там временные работники. Это породило проблему воссоединения иммигрантов со своими семьями. Отказ французского правительства предоставить им такую возможность вызвал протест со стороны ряда влиятельных организаций, и в 1976г. власти были вынуждены пойти на уступки. Во второй половине 1970-х гг. воссоединение семей мигрантов обрело массовый характер, а ощущение принадлежности к исламу стало для мигрантов более важным, нежели осознание *исходной* национальной принадлежности, социального статуса и т.д. Повышение интереса к исламской религиозной практике выразилось в стихийном оборудовании молельных помещений в общежитиях, на предприятиях (в частности, на автозаводах *Renault*), а затем и в пригородных рабочих кварталах. При этом администрация нередко оказывала содействие мусульманским активистам, видя в исламе противовес влиянию на рабочих левой агитации.

На рубеже 1970-1980-х гг. - *третий этап* - мусульманский вопрос становится внутренним делом Европы. По итогам Исламской революции 1979г. в Иране мусульмане Европы попали под *облучение* радикального исламизма как в его суннитском варианте (*Братья-мусульмане* и близкие к ним группы), так и в форме хомейнистского революционаризма. В 1982г. среди обучающихся в Париже иранских, иракских и ливанских студентов-шиитов возникли два соперничающих течения: одни утверждали общеисламский характер иранской революции, другие воспевали ее как сугубо шиитскую. Группы концентрировались вокруг Иранского культурного центра на улице Жан-Барт, коллективные моления заканчивались жестокими драками между сторонниками и противниками режима Хомейни. Внешнеполитический фон - война в Ливане, захват заложников среди французских граждан - также способствовали формированию негативного стереотипа восприятия ислама как угрозы существованию французского общества. В данном контексте резко возросла популярность правых партий.

Четвертый этап - 1980-е гг. - может быть назван периодом прогрессирующего *офранцуживания* ислама. О себе как о мусульманах все чаще заявляли потомки *харки* и *беры* - родившиеся во Франции дети магрибских иммигрантов, многим из которых *возврат к исламу* компенсировал неспособность интегрироваться во французское общество. Благодаря проповедям *Джамаат ат-таблиг* по меньшей мере 30 тыс. коренных французов приняли ислам. Сочетая приверженность мусульманской религии с высокой социальной активностью, они, в отличие от иммигрантов, не имеющих французского гражданства, располагали большими возможностями лоббирования собственных религиозных интересов, в том числе за счет создания избирательных блоков.

В конце 1980-х гг. - *пятый этап* - произошло превращение ислама во *вторую* религию Франции. В стране была сформирована развитая *исламская инфраструктура* в виде мечетей, религиозных ассоциаций, исламских мясных лавок и книжных магазинов, мусульманских кладбищ и т.п. Одновременно среди французских мусульман произошел всплеск исламского фундаментализма, спровоцированный военным переворотом в Алжире и запретом *Фронта исламского спасения*. Перед Францией остро встал вопрос о статусе ислама в государстве, приверженном традициям секуляризма. СМИ бурно обсуждали *дело о платке* (инциденте недопущением к занятиям двух учениц государственной школы, пришедших на уроки в мусульманских платках) и издание аятоллой Хомейни известной фетвы против британского писателя Салмана Рушди, автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи» [12].

С середины 1990-х гг. начинается современный *шестой этап*, связанный с возрастанием проявлений религиозного экстремизма. В 1994-1996 гг. во Франции произошел ряд терактов, организованных исламскими радикалами. Возросла враждебность французского общественного мнения по отношению к исламу. Стремясь снизить накал страстей, ректор мечети на площади Сталинград в Париже Ларби Кешат в феврале 1997г. обратился к мусульманам и французам с призывом к взаимопониманию, но это привело только к бомбистской атаке его храма.

Как отмечает известный французский исламовед Оливье Руа, социологический портрет исполнителей подобных терактов однотипен. Террористы - потомки мусульманских иммигрантов во втором поколении, выросшие в неблагополучных районах, франкоговорящие, получившие

слабое религиозное образование, окончившие школу, но не сделавшие профессиональной карьеры. Этническое происхождение для них менее значимо, нежели ощущение собственной социальной маргинальности. *Вернувшись к исламу*, они не имеют опыта религиозной практики и сколько-нибудь серьезных познаний в области религии. Соответственно, популярное утверждение об изначальной агрессии, заложенной в ислам, представляется, по меньшей мере, сомнительным. На террористические акты идут отнюдь не практикующие прихожане.

На современном этапе разрозненные общины мусульман Франции концентрируются вокруг следующих организаций: *Соборной парижской мечети*, *Национальной федерации мусульман Франции*, *Федерации исламских организаций*, центра связей *Ислам - Запад*, отделения *Мирового исламского единства*, отделения *Исламской помощи*, *Союза исламских организаций Франции*.

История первых трех из вышеприведенного списка иллюстрирует три наиболее популярных варианта диалога Европы с *внутренним* исламом.

Соборная парижская мечеть, построенная по инициативе и на средства французского правительства в качестве жеста благодарности солдатам-мусульманам, воевавшим на стороне Франции в Первой мировой, была призвана символизировать открытость Третьей Республики, содействуя укреплению лояльности мусульман. Однако попытка через соглашение с представителями элит прийти к контролю над всеми мусульманами страны успехом не увенчалась. В начале 1980-х гг. после продолжительной юридической борьбы за владение мечетью, развернувшейся между Алжиром (выступающим в союзе с Тунисом и Марокко) и французским правительством, она была передана под контроль Алжира.

Создание *Федерации исламских организаций* было проспонсировано Саудовской Аравией. В настоящий момент она объединяет около 150 преимущественно фундаменталистских организаций, а на организуемых ею ежегодных международных конференциях исламские богословы и ученые открыто проповедуют превосходство законов шариата над светским законодательством.

Инициатором создания *Национальной федерации мусульман Франции (НФМФ)* и вовсе был этнический француз - Даниэль Юсуф-Леклерк - интеллектуал, ставший убежденным мусульманином под влиянием проповедей *Джамаат ат-таблиг*. До своего избрания на пост главы *НФМФ*, объединившей на федеративных началах часть исламских ассоциаций, он возглавлял ассоциацию *Тайибат (Благие вещи)*, получившую от *Лиги исламского мира* монопольное право на присвоение категории *халяль* производимым во Франции мясным продуктам, предназначенным к употреблению в мусульманских странах. Пятеро из руководителей *Федерации* являются французами по происхождению. В настоящее время в *Федерацию* входит до ста сорока мусульманских организаций. В апреле 1992г. в Париже состоялся съезд *Федерации* под лозунгом «Мусульмане и ЕС». В работе съезда приняло участие 23 тыс. представителей от 190 исламских обществ Англии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии, Ирландии. Участники съезда отметили, что мусульмане Европы являются неотъемлемой частью Европейского Союза, и заявили о том, что терпимость и уважительное отношение к различным религиям помогут сохранению социального мира в Европе. Съезд потребовал возвращения покрывающих голову девушек во французские школы, призвал другие европейские государства признать исламскую религию.

Однако по причине отсутствия какой-либо единой структуры у мусульманских организаций Франции ни одна из них (в том числе и *НФМФ*) не имеет возможности говорить от имени всей общины, а значит, служить посредником между ней и государством. Это во многом объясняет неуспех адаптации мигрантов по французской модели, ориентированной на *групповую* адаптацию.

На современном этапе главной задачей государственной политики Франции в отношении *внутреннего* ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя. Но общий международный фон не благоприятствует ее успешному решению. По мнению Катрин де Ванден, специалиста по иммиграции и директора по научной работе Центра международных исследований (Париж):

«Мусульмане ощущают себя обесщеченными, в первую очередь, в контексте войны в Персидском заливе. Негативные коннотации, закрепившиеся сегодня за исламом, воспринимаются ими как дополнительное унижение вдобавок к бедности и дискриминации, с которыми многие сталкиваются в повседневной жизни. Отдельные мусульманские страны активно играют на этом, используя факт оккупации Ирака как способ отвлечь внимание от того, насколько плохо обстоит дело с их собственной системой управления. Другой не менее важный фактор – это СМИ. Телевизионные каналы, подобные *Аль Джазире*, для которой характерны сильная мусульманская идентификация и преимущественная концентрация на конфликтах из серии иракского или палестино-израильского, обладают огромным влиянием на восприятие мусульман, что способствует поляризации мнений. Большая часть мусульман придерживается умеренных взглядов, но радикализация среди маргиналов присутствует, и именно она привлекает к себе внимание» [13].

Великобритания

Вплоть до взрывов в Лондоне 7 июля 2005г. одной из наиболее благонадежных считалась мусульманская община Великобритании. История присутствия мусульман на Британских островах насчитывает три столетия и самым тесным образом связана с деятельностью Ост-Индской компании. С середины XIX в., особенно после открытия в 1869г. Суэцкого канала, мусульмане, в основном судовладельцы и торговцы из арабских стран (Йемен и Сомали) и Британской Индии, начали компактно селиться на побережье – в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и Кардиффе. Тогда же в Англии появились первые мусульманские мистические и суфийские движения. Но усиленная мусульманская миграция в метрополию началась уже после Второй мировой войны: сначала из Индии, затем из отделившихся от нее Западного и Восточного (нынешний Бангладеш) Пакистана. В 1960-е гг. исламская иммиграция в Британию достигла своего пика и потребовала от правительства принятия трех актов об иммиграции, ограничивавших въезд в страну. В 1970-1980-е гг. численность выходцев с мусульманского Востока в Великобритании росла уже в основном за счет высокой рождаемости мигрантов первого поколения. На современном этапе в Бирмингеме, Манчестере, Ноттингеме, Ливерпуле, Кардиффе существуют целые мусульманские кварталы. В большинстве своем их жители работают мусорщиками, грузчиками, мелкими служащими и торговцами.

По данным специальной Комиссии по расовому равноправию, на протяжении 28 лет осуществлявшей мониторинг политики работодателей в отношении этнических меньшинств, за последние годы разрыв между оплатой их труда по сравнению с *коренными* британцами был значительно сокращен [14]. Однако дискриминация при найме на работу осталась на прежнем уровне. Для *белого* выпускника университета вероятность получения места в крупной английской компании в три раза выше, чем для представителя диаспоры. Британцы афро-карибского происхождения в четыре раза чаще своих *белых* сограждан той же квалификации не проходят собеседование при приеме на работу [15]. При этом закон предоставляет право обжаловать дискриминационное отношение к себе только тем, кто уже получил место. Для мигрантов-мусульман ситуация представляется даже более сложной. Показателен следующий случай. Вскоре после событий 1990-1991-х гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что принимать мусульман на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968г. о *равенстве рас* ничего не дал, поскольку мусульмане не являются особой расой [16]. Предложенные Комиссией по расовому равноправию меры – поощрение работодателей, ориентирующихся на многонациональный состав сотрудников, вкупе с квотированием рабочих мест по национальному признаку – неприемлемы для английского общества, отличающегося консерватизмом и жесткой стратификацией. Критики системы квот указывают на то, что она противоречит фундаментальным основам западного общества – *свободной конкуренции* – и приводит к появлению группового фильтра с обратным знаком.

Между тем, по данным последней британской переписи населения [17], количество представителей этнических меньшинств, не достигших двадцатипятилетнего возраста, составляет 45%, в то время как аналогичный показатель среди *белого* населения не превышает 35% [18]. Можно предположить, что при сохранении существующих тенденций - сокращении *белого* населения трудоспособного возраста на фоне *омоложения* диаспор - работодатели будут вынуждены отказаться от этнических и конфессиональных предрассудков хотя бы по соображениям экономической целесообразности. Но более вероятным выглядит воспроизводство прежней системы скрытого неравенства на новом уровне по правилам «Скотного двора» Джорджа Оруэлла: все равны, но некоторые равнее прочих.

Пока же представители общин все более активно осваивают область малого и среднего бизнеса. По данным международных исследований, этническая экономика Великобритании - это около 250 тыс. фирм и 13 млрд долл. США в казну ежегодно [19]. В начале 2006г. наследник британской короны принц Чарльз подписал *меморандум о взаимопонимании* между Исламским банком развития (ИБР) и собственной благотворительной организацией *Международный молодежный бизнес*. На проходившей в Лондоне конференции по случаю тридцатилетия ИБР он выразил уверенность в том, что «при поддержке Исламского банка развития наши благотворительные организации смогут умножить усилия по разрешению проблем, с которыми мы сталкиваемся в городах Британии, и предоставить помощь молодым мусульманам, не располагающим достаточной поддержкой со стороны общества, для того чтобы на равных участвовать в жизни страны, содействуя укреплению солидарности и развитию совместной предпринимательской деятельности» [20]. Создавая фонды, подобные *Международному молодому бизнесу*, деятельность которого не ограничивается одной лишь Великобританией, но распространяется на Марокко, Египет и Иорданию, власть стремится наладить каналы опосредованного влияния на представителей общин с тем, чтобы в дальнейшем более успешно контролировать их деятельность. Основная трудность при установлении диалога с мусульманскими общинами заключается в том, что умеренных мусульман Великобритании не отличает высокая степень организованности.

Между тем радикально настроенные адепты ислама не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере поддерживают различные происламские общественные организации, в частности, *Исламский культурный центр*, ассоциацию *Мусульманская помощь* в Лондоне, объединение *Исламская помощь* в Бирмингеме. Возглавляет последнюю Гани Аль-Бани, отец которого был казнен за участие в покушении на президента Египта Гамалея Абделя Насера. По сообщениям СМИ, *Исламская помощь* контролируется и финансируется спецслужбами Великобритании и Саудовской Аравии, а Аль-Бани в сентябре 1997г. нелегально выезжал в Чечню и встречался там с Асланом Масхадовым.

Еще более активно действуют по всем направлениям: *Федерация студенческих исламских обществ*, *Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы*, *Исламский совет Европы*, *Союз исламской прессы*, *Организация молодых мусульман Соединенного Королевства* и, наконец, *Исламская миссия Соединенного Королевства*. Созданная в 1962г. под сильным влиянием *Джамаат-и Ислами*, *Исламская миссия* ставит своей целью распространение ислама через налаживание дружеских отношений между мусульманами и немусульманами. Ее центры при крупных мечетях проводят активную политику прозелетизма среди молодежи, распространяя газету *Молодой мусульманин*.

Для координации действий всех вышеперечисленных организаций в 1990г. было создано *Исламское общество Великобритании*, имеющее свои отделения по всей стране. Около десятка мечетей Великобритании контролируются движением *Ахль-и Хадис*, поддерживающим тесные, в том числе финансовые связи с мусульманами Южной Африки. Позицию ливийской ассоциации *Исламский призыв* выражают относительно маловлиятельные, но все же постоянно действующие в стране отделения *Лиги исламского мира*. Уже упоминавшаяся *Джамаат-и Ислами* предпочитает действовать экономически и идеологически через *Исламский фонд*: в сфере

просвещения - через *Мусульманский трест образования*, в сфере пропаганды ислама - через организацию *Даават-уль-Ислам*.

Наличие значительного числа хорошо организованных радикально настроенных мусульманских групп не может не оказывать влияния на внутреннюю политику Великобритании, в особенности в свете того, что сами мусульмане на рубеже 1980-1990-х гг. предприняли шаги сугубо политического характера. В июле 1989г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана *Исламская партия Британии (ИПБ - Islamic Party of Britain)*. В 1990 и 1992гг. усилия партии не увенчались успехом, однако позже они завоевали один мандат. К 2001г. в английском парламенте было уже четыре мусульманина: три члена Палаты лордов и один - Палаты общин. По заявлению лорда-мусульманина Назира Ахмада, на февраль 2001г. в местных парламентских структурах Великобритании работали 160 мусульман [21]. Тем не менее до тех пор, пока в основе системы парламентских выборов в Великобритании лежит мажоритарный принцип, мусульмане не будут иметь шансов на соответствующее их амбициям представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства; к тому же их симпатии делятся примерно поровну между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. Также маловероятно, чтобы программный лозунг с официального сайта ИПБ - «К лучшему будущему с исламом» - привлек на сторону партии *коренных* британцев [22].

Несомненным достоинством британской концепции адаптации было и остается внимание к индивиду, умение отстраниться от его групповой принадлежности. Последовательно претворяя в жизнь традиционный принцип *разделяй и властвуй*, британцы демонстрацией внимания к индивиду отрывают его от группы, разрушая последнюю изнутри. В 1997г. после прихода лейбористов к власти политика взаимоотношений с этническими меньшинствами строилась в духе концепции мультикультурализма. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр принимал участие в церемониях открытия мечетей, религиозных школ, буддистских храмов и т.д.

Однако в свете событий последних лет настроения в обществе и политических кругах изменились. Все больше людей высказываются против разделения страны по религиозному или этническому принципу. *Британство* как альтернатива центробежному этноцентризму представителей диаспор - новая концепция властей. Практическая ценность данной концепции может быть поставлена под сомнение в силу разногласий, существующих между самими *коренными* британцами - шотландцами, валлийцами, жителями Ольстера и англичанами.

Тем не менее не стоит сбрасывать со счетов уже неоднократно оправдывавший себя принцип - *против кого дружим?* Если до 7 июля 2005г. террор на Британских островах ассоциировался с одной организацией - Ирландской республиканской армией (ИРА), то взрывы в лондонском метро и автобусе, ставшие продолжением терактов, совершенных радикальными исламистами 11 сентября 2001г. в Нью-Йорке и 11 марта 2004г. в Мадриде, заставили наиболее непримиримых *европейских террористов* официально сложить оружие. Курс на отказ от террористической деятельности был взят ИРА еще несколько лет тому назад, но взрывы 7 июля позволили лидерам организации сказать *прощай, оружие* открыто, не потеряв при этом лицо. 28 июля 2005г. ИРА объявила о полном прекращении боевых действий против Великобритании и предложила властям использовать их опыт, оружие и знания в борьбе с исламской угрозой. С учетом того что многие из них проходили практику в подпольных ячейках *Аль-Каиды*, структуру и методы действия исламистов они представляют себе наилучшим образом. *Аргорос*, одновременно с разоружением ИРА в Великобритании в Испании власти приступили к переговорам с руководителями запрещенной в стране баскской партии *Вата-суна*. Во Франции активизировался процесс мирного урегулирования с корсиканскими сепаратистами.

Страхи Европы: от пропаганды хиджабов к пропаганде террора

Европейцев одинаково настораживают как закрытость этнических анклавов мусульман, так и политическая активность представителей диаспор. Мусульманские общины Европы воспринимаются автохтонным населением как *троянский конь* исламского мира, дополнительный козырь в оказании политического давления на европейские государства.

Невозможность попасть в высшие эшелоны власти приводит активных мусульман второго и третьего поколения к формированию альтернативных объединений, в которых тесно переплетаются религиозная и политическая составляющие. Деятельность ассоциаций, подобных *Исламской миссии Соединенного Королевства*, *Исламскому Совету Европы* (Великобритания), *Союзу исламских организаций Европы* (Германия), *Федерации исламских организаций* (Франция), не ограничивается выполнением культурно-просветительских и гуманитарных функций. Хорошей иллюстрацией того, как декларируемая гражданским обществом Европы свобода слова может быть использована для пропаганды совершенно иных ценностей, служит деятельность *Европейской арабской лиги* (ЕАЛ) в Бельгии.

Организация требует превращения арабов в «равноценный всем остальным самостоятельный этнос» [23]. Члены ЕАЛ выступают за арабский язык в качестве государственного, ислам в роли официальной религии, квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях, и главное, официальное прекращение политики интеграции иммигрантов-мусульман в жизнь Европы. При этом лидер организации Абу Яя призывает своих сторонников к открытой политической конфронтации с официальными властями во имя демократических идеалов.

12 января 2004г. ЕАЛ заявила, что запрет на ношение мусульманских платков в публичных школах Бельгии является нарушением права на свободу религии, которое гарантирует 18-я статья Всеобщей декларации прав человека. По утверждению ЕАЛ, платки-хиджабы не представляют собой религиозный символ, а лишь являются «частью религиозной практики».

В ответ на публикацию карикатур на пророка Мухаммеда датским изданием *Ютланд-Постен (Jyllands Posten)* ЕАЛ вывесила на своем сайте карикатуры антисемитского толка. Одна из картинок изображала Анну Франк, лежащую в постели с Адольфом Гитлером. Другой рисунок ставил под вопрос факт Холокоста: были изображены двое людей, один ворошит кучу костей и говорит: «Сомневаюсь, что это евреи»; на что второй отвечает: «Нужно как-то получить цифру шесть миллионов» [24]. В пояснении говорилось, что карикатуры опубликованы с учетом свободы слова в Европе. Этим же ранее объяснялось размещение в газетах карикатур на пророка Мухаммеда. Остается отметить, что вскоре после ответного демарша представителей ЕАЛ сайт организации стал недоступен.

На пресс-конференции, собранной после того, как в СМИ появились выдержки из исследования Марион Ван Сан, рассматривавшей связь между преступностью и этническими происхождением, Абу Яя потребовал отставки министра юстиции Бельгии Марка Фервилгена, по инициативе которого была начата данная работа. Он также предложил фламандским политикам «не рассматривать все через призму таких ошибок природы, как Фламандский Блок». «Хватит занудства об интеграции, - заявил г-н Яя, - давайте рассуждать и мыслить в терминах гражданской позиции: мы требуем обращения как с равными, уважения и практического соблюдения нашего права на труд, на образование и на крышу над головой, непредвзятого применения ко всем одних и тех же законов, не считаясь с расой, религией или культурой. Если мы не будем соблюдать эти права, то бомба замедленного действия в виде 16-17-летних мигрантов, которые не получают никаких дипломов, никакой работы и не имеют никакого будущего, с которыми не обращаются как с равноправными людьми, в один день непременно взорвется» [25].

Пример ЕАЛ, активно вербующей сторонников, в том числе и в молодежной среде Бельгии, говорит нам об опасности развития ситуации по сценарию, предусматривающему временное объединение арабской и европейской молодежи на почве одинаково сильного желания зая-

вить о себе и сломать геронтократическую структуру современной Европы. При том, что стратегические интересы двух данных групп различны, глубокий антагонизм по отношению к системе и правящей верхушке может заставить их воспользоваться одними и теми же методами для реализации своих сугубо тактических целей. По мнению Эммануэля Тодда, ученого, предсказавшего развал Советского Союза задолго до событий августа 1991г., подобное временное объединение различных в силу исторических и культурных причин, но сходных по социально-экономическим параметрам сил мы и наблюдали во время французских *бунтов на окраинах* 2005 г. «Я считаю достаточно глупым со стороны Николя Саркози настаивать на иностранном происхождении молодых людей, вовлеченных в конфликт, - заметил г-н Тодд в одном из своих интервью. - Я убежден в обратном: это типично французский феномен. Расово смешанные группы молодых людей из *Seine Saint-Denis* действуют в соответствии с типично французской традицией неожиданного социального взлета. Акты насилия с их стороны свидетельствуют о дезинтеграции африканских семей, обусловленной контактами с французскими ценностями равенства, в частности равенства для женщин. Несмотря на неизбежные проблемы на старте, второе и третье поколение иммигрантов относительно хорошо интегрируются в среду народных масс Франции, а некоторые даже присоединяются к среднему или высшему классу» [26].

Однако пока факты опровергают оптимистичные выводы г-на Тодда об успешности интеграции второго и третьего поколения мусульман. Большинство участников террористических атак 11 сентября 2001г. - эмигранты из арабских стран, прожившие немало лет в Европе. Подлинным шоком для жителей Германии стал тот факт, что следы террористов, совершивших самоубийственное нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне, вели в Гамбург, Франкфурт и другие немецкие города. Большинство обвиняемых в совершении террористических актов 11 марта 2004г, в Мадриде - молодые мусульмане, принадлежащие далеко не к первому поколению иммигрантов. Терракты, совершенные 7 июля 2005г. в Лондоне, также были осуществлены молодыми мусульманами, родившимися в Великобритании и являющимися британскими подданными.

До недавнего времени в Лондоне беспрепятственно функционировал британский филиал организации Усамы бен Ладена, а сам ее лидер, прикрываясь суданским паспортом, не раз навещался в британскую столицу и принимал участие в подготовке терактов на территории Египта. При этом британская разведка Ми-5 дважды предотвращала объединение находящихся в подполье сторонников бен Ладена с другими официально действующими исламскими организациями, такими как *Верховный совет исламской революции* в Ираке, *Алжирская исламская священная партия*, а также запрещенными группировками типа ХАМАС [27]. С бен Ладеном был связан Абу Хамза аль-Масри, то есть скрывавшийся под этим именем 43-летний уроженец Александрии Мустафа Камель, получивший британское подданство, женившись на англичанке. Связанный одновременно с афганскими моджахедами и группировкой *Аль-джихад аль-исламий*, Абу Хамза вернулся в 1994г. в Лондон (избежав выдачи правительству Египта) из Афганистана через Пакистан и стал издавать бюллетень *Аль-Ансар* от имени алжирской террористической *Вооруженной исламской группировки (ВИГ)*. Проповедуя в одной из мечетей Лондона, он всячески оправдывал массовые расправы *ВИГ* над мирным населением. Тогда же он создал на деньги бен Ладена организацию *Ансар Ашшариа* (Приверженцы шариата) и стал поддерживать исламо-экстремистскую армию *Адена* в Йемене, куда он отправил своего сына и нескольких арабов - граждан Великобритании и Франции. Когда они были арестованы, Абу Хамза организовал ряд взрывов, от которых погибло 6 йеменцев. Самопровозглашенный *главный английский муфтий* Абу Хамза после начала военных действий в Чечне объявил России джихад и открыто заявил, что готовит добровольцев к отправке в Чечню, Иран, Пакистан и Афганистан. В сентябре 1999г., выступая в мечети, он оправдал взрывы в Москве - но только 6 лет спустя британцы окончательно осознали последствия политики *двойных стандартов*.

Еще в 1998г. в результате инспекции, проведенной датским Министерством образования, было выявлено пять мусульманских школ, замешанных в перекачивании государственных обра-

зовательных субсидий на счета Ассоциации исламских благотворительных проектов *{The Association of Islamic Charitable Projects-A. I.C. P}* в Ливане. В 2001 г. британский специалист по борьбе с терроризмом Рохан Гунарата и его датский коллега Ларе Эрслев Андерсен открыто заявили, что в Дании есть как отдельные личности, так и организации, оказывающие денежную и иную поддержку международным террористам [28]. Несмотря на то, что впоследствии эти сведения подтвердились, российские публикации на эту тему власти Дании расценили как намеренный информационный выброс, спровоцированный отказом выдать Ахмеда Закаева [29].

В 2005г. по подозрению в подготовке терактов был арестован один из деятелей голландского отделения ЕАЛ - Самир Аззуз (*Samir Azzouz*) [30]. Впервые власти сделали попытку привлечь Аззуза к ответственности в 2004 г., обнаружив в его доме планы нидерландского парламента, амстердамского международного аэропорта «Схипхол» (*Schiphol*), атомной электростанции «Борсселе» (*Borssele*), а также здания нидерландской Общей службы разведки и безопасности с пометками, касающимися охраны этих объектов и возможных путей отхода. При обыске также были найдены: оружие, химикаты, используемые для приготовления взрывчатки, печатные материалы экстремистского содержания, инструкции по совершению терактов и съемке убийств на видео. Однако суд, сочтя предоставленные доказательства недостаточными, вынес оправдательный приговор Аззузу. Вторая попытка ареста оказалась более успешной. В октябре 2006г. у обвинения появился свидетель, готовый подтвердить связь Аззуза с террористической группой «Хофстад» (*Hofstad*), девять членов которой в марте 2006 г. были приговорены к лишению свободы сроком до 15 лет за принадлежность к террористической организации. Им стал 28-летний житель Гааги Л.Б., имя которого не разглашается по понятным причинам. Долгое время он входил в круг близких к главному обвиняемому лиц. Л.Б. рассказал, что регулярно ездил с обвиняемыми в Брюссель, где на его имя была снята квартира. По его словам, члены группы хотели вербовать там мусульман для участия в джихаде. Как заявляет Л.Б., группа Аззуза активно приобретала оружие и собиралась изготовить пояса шахидов, доставив необходимые для этого материалы из Германии.

По данным Федерального ведомства по охране конституции, в Германии число активистов исламистских организаций составляет около 30 тыс. человек, то есть менее 1% общего числа немецких мусульман. По оценкам других немецких аналитиков, в ФРГ, где проживает порядка двух миллионов турецких мусульман, более секуляризованных, чем арабы, число готовых к насилию радикалов, тем не менее, достигает трех тысяч человек. В июне 2000г. немецкая разведка БНД обратила внимание руководства страны на наличие филиалов международных террористических групп в ряде городов ФРГ. Подпольная штаб-квартира исламистов находилась во Франкфурте-на-Майне, одно из конспиративных отделений располагалось в Берлине. К концу 2000г. они планировали взрыв в Страсбурге (вероятнее всего - здания Европейского парламента). В декабре немецкие спецслужбы обезвредили складе взрывчаткой и арестовали группу террористов. А в мае 2001г. г-н Эрнст Урлау, координатор деятельности спецслужб в правительстве Герхарда Шредера, заявил, что Германия имеет дело с терроризмом на религиозной основе.

В свою очередь, французские спецслужбы вывели формулу определения численности радикалов в той или иной мусульманской общине. Согласно ей, практически в любой исламской общности носителей экстремистской идеологии насчитывается до пяти процентов. Из их числа примерно три процента готовы к участию в терактах. Это означает, что во Франции проживают примерно 300 тыс. экстремистов и порядка 9 тыс. потенциальных террористов [31].

У исламского терроризма существует и другая сторона - это связь с наркомафией и незаконной миграцией. По данным БНД, ежегодная нелегальная иммиграция в ЕС составляет от 200 до 300 тыс. человек, из которых примерно 50 тыс. иммигрантов-мусульман вовлечены в незаконную транспортировку наркотиков [32].

Реакция на вызовы исламизма - осознание задач

В конце 1990-х гг. усилиями Центрального разведывательного управления США, израильской внешней разведки Моссад, германской, британской, французской и итальянской спецслужб были обезврежены террористические группы в Албании (1998, 1999гг.), Великобритании (1998г.), Германии (1998, 2000, 2001гг.), Франции (1999г.), Турции (1999г.), Италии (2001г.) и Испании (2001г.). Однако актуальность проблемы противодействия исламскому экстремизму возрастает с каждым годом, а говорить о выработке единого комплекса совместных мер пока не представляется возможным.

Многочисленные исследования подтвердили, что носителями идей джихада и радикального ислама выступают преимущественно европейские мусульмане, то есть получившие образование, выросшие или даже родившиеся в странах ЕС. Этим феноменом особенно активно занимаются американские политологи (и спецслужбы), озабоченные безопасностью не столько Европы, сколько Америки. Так, согласно данным Центра Никсона, проводившего наблюдение за *моджахедами* в ЕС и США, из 400 обследованных исламистов большинство составляют французские граждане, которых было даже больше, чем саудовцев; число исламистов с британскими паспортами превысило количество граждан других проблемных стран - Судана, Йемена, ОАЭ, Ливана и Ливии вместе взятых. Четверть джихадистов являлись гражданами европейских стран, то есть имели право безвизового въезда в США. Именно последний факт заставляет тревожиться американцев, считающих, что европейцы слишком легкомысленно относятся к существованию неконтролируемых и закрытых мусульманских общин, наделяя их в то же время правами, социальными пособиями и гражданством, то есть проводя политику мультикультурализма [33].

Почему волки не собаки?

Тот факт, что в Европе сложились столь благоприятные условия для свободной деятельности радикальных исламистов и просто откровенных террористов, во многом объясняется либеральным отношением западных властей. В страхе *перед красной угрозой* Запад десятилетиями взращивал исламистов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их против СССР, готовил албанских боевиков против Белграда.

Другой причиной является влияние политических событий в тех странах, из которых прибыли мусульманские эмигранты. Вспышкам исламизма в Европе способствовали военные перевороты (Турция, Алжир), запреты исламистских партий (Египет), обострение ситуации на Ближнем Востоке и т.д.

Немаловажное значение имела целенаправленная деятельность самих исламских организаций, которые в 1980-1990-е гг. стремились сделать религию и религиозно ориентированное восприятие мира привлекательным для мусульманской молодежи в Европе.

Сыграла свою роль и политика *двойных стандартов*. Ряд государств поддерживали или поощряли в своих узко политических целях террористическую деятельность. В разное время к ним относились США со своей слепой поддержкой Израиля; Саудовская Аравия в отношении исламистов; Англия, помогавшая ультрапротестантам в Ольстере; Франция, манипулировавшая баскскими националистами, Пакистан с его поддержкой талибов, кашмирских, сикхских и мусульманских сепаратистов; Индия с ее тамилами и т.д.

Противодействие *недемократичному* режиму Милошевича вылилось в бомбардировки мирных городов и попустительство разнузданным этническим чисткам сербского населения уже со стороны косовских сепаратистов албанцев-мусульман. Почти десять лет назад *Newsweek* с грустью констатировал, что США, Израиль, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия, Кувейт имеют долгую историю непростых отношений с исламскими группами, рассматриваемыми как *террористические* на современном этапе, и «западные народы ничего не имели против экстремизма, покуда он действовал в правильном направлении» [34].

Ожидаемые конфликты - катализаторы цепной реакции

Отсутствие активного диалога сторон и провал попыток интеграции мусульман обуславливают взрывоопасность сложившейся ситуации. Налицо несовпадение декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения населения принимающей стороны. По данным социологических опросов, 75% европейцев приветствуют становление мультикультурного сообщества и 86% выступают против любой дискриминации по расовому, культурному или религиозному принципам. При этом треть европейцев признают наличие у себя определенных расовых предрассудков, а подавляющее большинство рассматривает *приезжих* как *паразитов* на теле социального государства и потенциальный источник нестабильности. 63% убеждены в том, что наличие меньшинств увеличивает безработицу. Но те же 63% полагают, что представители меньшинств соглашаются на те виды работ, которые отвергают все остальные. Согласно *Transatlantic Trends Report* за 2005г., 51% европейцев утверждают, что лично столкнулись с негативными последствиями присутствия иммигрантов и беженцев [35].

Очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции. Ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. Приоритетной задачей исламских активистов станет укрепление связи с мусульманским зарубежьем, в том числе с мусульманскими радикальными движениями. Международные исламские организации, рассматривающие мигрантский мусульманский социум в качестве потенциального инструмента влияния на политику европейских стран, продолжат оказывать финансовую и социальную помощь наиболее перспективным в данном контексте представителям общин. С возрастанием понимания важности глобальных коммуникаций как фактора, содействующего укреплению ощущения принадлежности к единой исламской общности у приверженцев данной религии, количество бесплатных интернет-кафе, уже открываемых для прихожан европейских мечетей, заметно увеличится. Появится все больше оснований говорить *о дистанционном исламе мусульманской диаспоры*.

Присоединение Турции к Европейскому Союзу откроет шлагбаум для новой волны мусульманской миграции в Германию, что ляжет тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков страны, обеспечивающей львиную долю поступлений в бюджет Евросоюза. С учетом того что концепция *четырёх общих пространств ЕС*, помимо экономического, включает в себя такие критерии, как внешняя безопасность, правосудие и образование, с вступлением в ЕС мусульманской страны неизбежно встанет проблема *принципиального* расхождения образовательных программ. Роль школы как важнейшего института социализации очевидна, как и то, что Турция не согласится на социализацию *по-европейски*. В особенности принимая во внимание отсутствие конкурентоспособной по отношению к национальным программы общеевропейского воспитания. Как отметил пресс-секретарь Еврокомиссии Фредерик Вэнсан: «В Европе нет механизма мониторинга детских и школьных образовательных программ, нет и единых норм в отношении преподавания религий» [36].

Жители Европы острее почувствуют свою связь с мусульманскими регионами Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Усилится раздражение в отношении исламского радикализма Афганистана и Центральной Азии, с которым Европа столкнулась, ввязавшись в возглавляемую США антитеррористическую операцию *Несгибаемая свобода*. В качестве обязательного условия приобщения Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана к Европе будет выдвинуто требование большей ответственности правящих кругов бывших советских республик за активность исламистов на подвластных им территориях [37].

Более явной станет уже обозначившаяся и общая для Западной Европы тенденция: возрастание популярности правых партий, призывающих к защите традиционных ценностей и противостоянию чужакам-мигрантам. Не случайно в Нидерландах *величайшим голландцем*

всех времен и народов был признан Пим Фортейн, политик противоречивой репутации и ярый сторонник ограничения иммиграции и аккультурации представителей других стран в голландское общество. По результатам опроса он опередил *отца независимости Нидерландов* принца Вильгельма Оранского (XVII в.), а также выдающихся художников Рембрандта и Винсента ван Гога. Страх перед *исламской угрозой* оказался настолько велик, что в 2005г. более пяти процентов евреев Антверпена проголосовали на выборах в парламент за расистскую ультраправую партию *Фламандский блок*, создатели которой сотрудничали с нацистами во время Второй мировой войны. Поводом стало обещание руководителей *Фламандского блока* бороться против наплыва арабов в Бельгию.

Вопрос отношения к проблемам иммиграции явился одним из главных на последних президентских выборах во Франции. Бывший министр внутренних дел (2005-2007, 2002-2004), правоцентрист Николя Саркози завоевал 53% голосов избирателей, оставив позади кандидатку от Социалистической партии Сеголен Руаяль, получившую 47% голосов. При этом Саркози поддержало значительное большинство избирателей в возрасте 50 лет и старше, а также 63% пенсионеров. Он набрал 82% голосов среди городских рабочих и ремесленников, владельцев магазинов и бизнес-элиты. Социалистов традиционно поддержала молодежь: за Руаяль проголосовали 60% избирателей в возрасте между 18 и 24 годами и 51% - в возрасте между 35 и 49 годами [38]. Окончательно *точки над i* расставили парламентские выборы, на которых правые партии, в частности, бывшая партия Саркози - *Союз за народное движение*, получили 314 из 577 мест. Подобные результаты можно смело расценивать как мандат на законодательные изменения, предоставленный новому президенту населением Франции. После победы Николя Саркози на президентских выборах во Франции и предшествовавшего тому избрания Ангелы Меркель канцлером Германии в 2005г. ряд экспертов выразили уверенность в том, что *франко-германская ось*, лежащая в основе Евросоюза, проявит больше заинтересованности в осуществлении совместных с США проектов, в том числе и в области противодействия исламскому экстремизму.

На фоне происходящих изменений обострится внутриобщинный конфликт между сторонниками *евроислама* и охранительной политики: умеренные группы продолжают следовать курсу аккультурации, постепенного вхождения в принимающую среду при сохранении базовых ценностей ислама; молодые радикалы будут отстаивать свое право полного соблюдения религиозных поведенческих нормативов, использование религии как политического инструмента и возможности пропаганды ислама.

Пытаясь пусть формально, но вписать в *свой* круг мусульманские государства, европейцы должны осознать, что речь идет о странах, в которых «ни государственность, ни оформление механизмов и, тем самым, вся трансформация систем не могут обойтись без учета фактора ислама» [39]. Кроме западной цивилизации, которая посредством секуляризации оторвалась от христианской Западной Европы эпохи средневековья, все остальные мировые цивилизации определяются через религию. И ренессанс хантингтоновской концепции *столкновения цивилизаций* спровоцирован увеличением количества конфликтов, вытекающих из политизации религии.

В контексте неизбежности мусульманского присутствия в Европе, близости границ с мусульманским миром и неясных перспектив борьбы с международным терроризмом важнейшей задачей, стоящей сегодня перед ЕС, является переосмысление *внутреннего* ислама в направлении восприятия его как потенциального партнера, в том числе по поддержанию стабильности на континенте. Требуется выработать единую концепцию взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство в рамках ЕС действует, исходя из собственных национальных интересов, по не согласованному с другими плану. Получившиеся *ножницы* не оказывают благотворного влияния на происходящее, дополнительно ослабляя позиции *коренных* европейцев. Социальное государство в Европе возможно, пока существует достаточно молодых и работающих налогоплательщиков, отчисляющих значительные суммы в государственную казну. С этой точки зрения миграцию, как и высокую рождаемость в мусульманских общинах, можно только приветствовать. Однако для того чтобы моло-

дые мусульмане работали на поддержание социально-экономической системы Западной Европы, необходима смена политического курса: переход к политике интеграции, подразумевающей соответствие экономического, культурного и политического уровней процесса встраивания индивида в среду принимающего сообщества.

Прогнозирование хода дальнейшей социальной эволюции Европы с необходимостью требует анализа мусульманской составляющей, в первую очередь, с учетом внешнеполитического контекста. Но пока мы не можем исключать повторения серьезных столкновений на религиозной почве в отдельных европейских странах, столкновений, интенсивность которых будет определяться существующим внешнеполитическим фоном, ходом борьбы Запада за нефтяные и прочие ресурсы Востока, уровнем консолидации мусульманского мира.

Источники и литература

1. Гастарбайтеры привлекались в западноевропейские страны преимущественно на основе двусторонних межгосударственных соглашений и только на временную работу в определенной отрасли. По окончании контракта они были обязаны вернуться на родину.
2. Цит. по: Денисенко Михаил. Изменения в иммиграционной политике развитых стран. Отечественные Записки. 2004. №4. <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=915> (последнее посещение - 2 октября 2007г.).
3. Составлено автором по: Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. EPC Working Paper. 2006, March. № 23. P. 52.
4. В теории социологии U-образная кривая адаптации обозначает следующий маршрут адаптации в новой культуре - оптимизм, враждебность (культурный шок), выздоровление (преодоление враждебности), завершенная адаптация.
5. Умма - арабское слово, означающее «сообщество» или «нация». В исламе слово «умма» обозначает сообщество верующих (уммат аль-му'минин), то есть весь исламский мир. Фраза «умма вахида» («одно сообщество») в Коране обозначает объединенный арабский мир. С другой стороны, в арабском языке слово «умма» также может использоваться в западном значении нации, например аль-умам аль-муттахида («объединенные нации»).
6. Цит. по: Британская оппозиция вступилась за мусульман. 2007, 28 января. http://www.mignews.com/news/politic/world/280107_135033_74873.html (последнее посещение - 22 октября 2007г.).
7. 'Clash of civilizations': Who's to blame? The International Herald Tribune. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, AbeerAllam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebnem Arsu in Turkey.
8. Мусульмане Бельгии: взгляд изнутри. 2006, 29 августа, <http://www.islamnews.ru/news-print-6126.html>. (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
9. Бельгия - рекордсмен Европы по числу принявших ислам. Мусульманский Узбекистан. 2006, 2 марта, <http://muslimuzbekistan.net/ru/islam/maqola/article.php?ID=2976> (последнее посещение - 22 октября 2007г.).
10. Цит. по: Козенко Андрей. Полумесяц над Европой. Веротерпимость как вызов экстремизму. Российская Газета. 2006,1 марта.
11. Ее масштабы больше беспокоили не Париж, а алжирские власти, создавшие специальный орган - ONAMO (Office National de Main d'Oeuvre), контролировавший выезд граждан во Францию.
12. Руа Оливье. Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы... Перевод: Е. Клокова. Иностранная литература. 2006. №9.
13. «Clash of civilizations»: Who's to blame? The International Herald Tribune. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, AbeerAllam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebnem Arsu in Turkey.
14. Race discrimination.(Britain's ethnic minorities are paid as much as whites—when they can find jobs). The Economist (US). 2004, May 15.

15. Commission for Racial Equality 2004. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
16. Мусульмане на Западе. Сб. статей. Отв. ред. Р.Г. Ланда. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: 2002.
17. Последняя перепись населения прошла в Великобритании 29 апреля 2001 г.
18. Population Trends 105, London: Office of National Statistics, Autumn 2005. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
19. Speech by Nigel Griffiths, Small Firms Minister in November 2002. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
20. A speech by HRH The Prince of Wales at the Islamic Development Bank Conference, Landmark Hotel, Marylebone Road, London, 26 January 2006. Stats Pocket Handbook.
21. Тульский Михаил. Ислам в неисламском мире. Независимая Газета. 2001, 29 сентября.
22. Официальный сайт Исламской партии Британии, <http://www.islamicparty.com>.
23. Vision of the AEL. Arab-European League, <http://www.arabeuropean.org/vision.php>. (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
24. Центральный еврейский ресурс sem40.ru 2006, 5 февраля, <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/144768.html?print=1> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
25. Бельгия - самая расистская страна Европы. Текст пресс-конференции Европейской арабской лиги по поводу исследования Ван Сан. 2003. Независимый политический еженедельник. Лефт.ру/Левая Россия, <http://left.ru/2003/10/text86.html> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
26. Jerome a Paris. Emmanuel Todd interview on the «French riots» (full translation), 2005, 13 November. <http://www.dailykos.com/story/2005/11/13/143727/53>. (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
27. Добаев Игорь. Исламисты взрывают Европу изнутри. Новая Политика. 2005, 19 декабря.
28. Джаниян Сергей. Датский след бен Ладена. Московские Новости. 2001. ДАТА <http://www.mn.ru/print.php72001-39-45> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
29. Более подробно о разгоревшемся скандале см.: Джаниян Сергей . Дания признала, что на ее территории базируются террористы. МН-СОБЫТИЯ. 2003. № 48.
30. Поскакухин Андрей. Радикальные исламисты из группа Аззуза готовили теракты в Нидерландах. РИА «Новости». 2006, 21 октября, http://www.rian.ru/defense_safety/terror/20061021/55003832.html (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
31. Добаев Игорь. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: компаративистский анализ. Институт религии и политики, <http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3251.html>, (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
32. Хасанов Марат. Бродит по Европе призрак исламизма. Континент. 2002, №6(68), 20 марта -2 апреля, <http://www.continent.kz/2002/06/14.html> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
33. Лейкен Роберт. Разгневанные мусульмане Европы. Россия в Глобальной Политике. 2005, № 6. С. 91.
34. Building an Enemy - America, Israel and Arab States Created the Islamic Militants They now Fear. Newsweek. 1993. February 15. P. 11.
35. Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. EPC Working Paper. 2006, March, №23. P. 17.
36. Введенская Анна. Джихад Д'Артаньяна. Независимая Газета. 2006, 5 сентября.
37. Малашенко Алексей. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. №7, 2002. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/wp0702.pdf> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
38. Pfaff William. In Sarkolend. The International Herald Tribune. 2007, April 13. <http://www.nybooks.com/articles/20254> (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).
39. Зайферт Арне К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в евроазиатском регионе. Центр стратегических и политических исследований, 2002. С. 25. http://www.corehamburg.de/documents/37_WP4_russian.pdf (последнее посещение - 22 октября 2007 г.).

Анастасия Пономарева